

Жизнь и развитие бл. Августина до его крещенія.

Настоящая статья имѣетъ своей задачей прослѣдить отдѣльные моменты религіозныхъ исканій бл. Августина, въ результатъ которыхъ въ главныхъ и существенныхъ чертахъ опредѣлились его теоретическія воззрѣнія, сложилось его религіозно-нравственное настроеніе, выяснился характеръ его личности ¹⁾).

Основнымъ мотивомъ этихъ исканій было стремленіе къ счастью, къ всестороннему удовлетворенію запросовъ своей личности, къ блаженной жизни. Весь періодъ, о которомъ мы намѣрены говорить, обнимающій жизнь Августина отъ рожденія до крещенія, въ свою очередь распадается на двѣ эпохи, неодинаковыхъ по объему и значенію. Первая отличается инстинктивностью, вторая господствомъ сознательно

¹⁾ Вопросу о развитіи бл. Августина посвящены слѣдующіе труды: *C. Bindemann*. Der heil. Augustinus. В. I. Berlin. 1844. *Poujoulat*. Histoire de Saint Augustin, sa vie, ses oeuvres, son siècle, influence de son génie. Vol. I. Paris 1844. *F. Böhringer*. Aurelius Augustinus, Bischof von Hippo. I Hälfte. Stuttgart 1877. S. 1—69. *G. F. von Hertling*. Augustin. Mainz 1902. S. 3—35. *L. Bertrand*. Saint Augustin. Ed. 52, p. 17—271. *Ad. Hatzfeld*. Der hl. Augustinus. Nach der zweiten Auflage aus dem französischen übersetzt von *B. Kever*. Regensburg 1900. S. 1—93. *Кн. Е. Трубецкой*. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V в.. Ч. I. Міросозерцаніе бл. Августина. Москва 1892. Стр. 21—49. *В. Герье*. Зодчіе и подвижники „Божьяго царства“ Ч. I. Блаженный Августинъ. Москва 1910. Стр. 1—74. *F. Brel*. La conversion de Saint Augustin (Essai de psychologie religieuse). Genève 1900. *A. Vacant, et E. Mangenot*. Dictionnaire de Theologie catholique. T. I, Paris 1909. P. 2268—2275. *Ф. В. Фарраръ*. Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей Церкви. СПб. 1891. Стр. 674—715.

постановленной дѣли. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоря объ отношеніи Вѣтнаго Завѣта съ его обѣтованіемъ тѣлесныхъ благъ и земного благополучія къ Новому, обѣщающему вѣрующимъ блага духовныя и небесныя, бл. Августинъ замѣчаетъ, что законъ развитія народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, одинъ и тотъ же: оно движется отъ „вѣтнаго человѣка“ къ новому, отъ плоти къ духу, отъ инстинктивныхъ порывовъ къ сознательнымъ задачамъ¹⁾. Безъ сомнѣнія, этотъ выводъ извлеченъ бл. Августиномъ изъ самонаблюденія и размышленія о теченіи собственной жизни. Въ ней дѣйствительно можно точно указать моментъ перехода отъ инстинктивнаго къ сознательному. Бл. Августину шелъ 19 годъ, когда подъ вліяніемъ сочиненія Цицерона *Гортензій* съ нимъ произошелъ этотъ переворотъ. Такимъ образомъ, это событіе и является естественной границей между временемъ его дѣтской непосредственности и годами сознательныхъ юношескихъ стремленій.

Годы дѣтской непосредственности.

Дѣтскіе годы Августина, предшествовавшіе этому по существу мелкому, но чрезвычайно важному по силѣ произведеннаго впечатлѣнія факту, не богаты вѣдшими событіями. Это было время его школьной жизни. Родившись 13 ноября 354 года, онъ получилъ свое первоначальное образованіе въ родномъ городѣ, въ Тагастѣ, но оно ограничивалось начатками. Здѣсь онъ учился чтенію, письму, счету и греческому языку. Болѣе широкаго знакомства съ литературой и риторикой мальчикъ долженъ былъ искать въ городѣ Мадаврахъ, находившемся въ недалекомъ разстояніи отъ его родины. На 16-мъ году (конецъ 369—370 г.) занятія въ этой школѣ были закончены, и Августинъ возвратился домой. Весь этотъ годъ былъ проведенъ имъ на родинѣ въ совершенной праздности и въ приготовленіи къ поѣздкѣ въ Карфагенъ для завершенія образованія. Въ Карфагенѣ въ изученіи риторики онъ провелъ свои 17, 18 и 19 годы. Въ первый же годъ пребыванія въ Карфагенѣ онъ лишился отца, но не прервалъ своихъ занятій благодаря самоотверженію матери и щедрости своего покровителя Романіана.

¹⁾ De div. quaest. XLIX.

Отъ этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни Августина обратимся къ его внутреннему, душевному міру.

Истинктивное удовлетвореніе двухъ основныхъ стремлений характеризуетъ эту эпоху въ развитіи бл. Августина. Онъ искалъ счастья и радостей съ одной стороны во всемъ томъ, что выдвигало его изъ среды сверстниковъ и общало ему успѣхи подобнаго рода и въ дальнѣйшемъ, съ другой—въ чувственной любви. Уже въ этомъ раннемъ возрастѣ мы можемъ наблюдать въ немъ зарожденіе и первоначальное развитіе двухъ господствующихъ страстей, во власти которыхъ онъ находился тогда и отъ тиранніи которыхъ съ такимъ трудомъ освободился впослѣдствіи. Гордость и тщеславіе, а съ другой стороны чувственность¹⁾ были скрытыми пружинами, приводившими въ движеніе его волю, преобладающими мотивами его дѣятельности и поведенія.

Гордость и тщеславіе естественно находятъ для себя питаніе въ сознаніи внутренней силы, которое никогда не покидаетъ высоко одаренныя личности. Уже въ своихъ дѣтскихъ играхъ Августинъ всегда стремился къ первенству, успѣху, побѣдѣ. Чтобы достигнуть ихъ, онъ не прочь былъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, даже недопустимымъ по условіямъ игры, хотя самъ ничего не преслѣдовалъ съ такимъ ожесточеніемъ въ другихъ, какъ именно недобросовѣстность²⁾. Позднѣе, проводя время своей вынужденной праздности въ обществѣ распущенныхъ сверстниковъ, онъ не только старался не отстать отъ нихъ въ шалостяхъ и нескромныхъ выходкахъ, но и превзойти ихъ. Если же для этого у него не хватало дѣйствительныхъ подвиговъ, онъ хвастался вымышленными³⁾. Ему „стыдно было не быть безстыднымъ“⁴⁾. Заботы родителей о возможно полномъ образованіи сына и его успѣхахъ въ жизни были зернами, которыя падали на очень плодородную почву. Скоро и самъ мальчикъ вошелъ во вкусъ всего этого и сталъ съ большимъ увлеченіемъ предаваться школьнымъ занятіямъ. Его тщеславіе получило при этомъ новую пищу въ удачѣ, кото-

1) De beat. vit. 4. Рус. пер. Ч. II, стр. 109. Confes. VIII, 13. Рус. пер. Ч. I, стр. 212.

2) Confes. I, 30. Рус. п. I, 27.

3) Ibid. II, 2. 7. Рус. п. I, 30, 34.

4) Ibid. II, 17. Рус. п. I, 43.

рая была его всегдашней спутницей. Онъ выдавался между своими товарищами по школѣ талантливыми декламациями, за которыя его очень хвалили и ставили въ примѣръ другимъ¹⁾. Это его поощряло. Онъ съ удовольствіемъ принималъ участіе во всевозможныхъ состязаніяхъ и былъ очень занятъ тѣмъ, чтобы оказаться побѣдителемъ²⁾. То же тщеславіе спасало его, однако, отъ всего низменнаго и грубаго. Оно побуждало его выдѣлиться изъ окружавшей его, довольно необузданной и неразборчивой, среды и по самой вѣншности поставить себя выше ея. Онъ хотѣлъ быть элегантнымъ и изящнымъ³⁾. Его товарищи въ Карфагенѣ находили удовольствіе въ томъ, чтобы съ шумомъ и крикомъ врываться въ аудиторіи, наносить оскорбленія лекторамъ, за которыя ихъ можно было бы преслѣдовать даже судомъ, если бы обычай былъ не на ихъ сторонѣ, и нарушать порядокъ, установленный преподавателями. Августина отталкивали эти дикія выходки и онъ никогда не принималъ въ нихъ участія⁴⁾. Съ этими воспоминаніями самого Августина совпадаетъ свидѣтельство посторонняго лица. На окружающихъ онъ производилъ въ то время впечатлѣніе молодого человѣка, чуждающагося буйныхъ потѣхъ и ведущаго себя безукоризненно и съ достоинствомъ. Объ этомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ рогатистскій епископъ въ Карфагенѣ, Винцентій, знавшій Августина еще юношей⁵⁾.

Половая зрѣлость вообще наступаетъ на югѣ гораздо раньше, чѣмъ на сѣверѣ, но въ той раздражающей средѣ, въ которой Августинъ получилъ воспитаніе, чувственность должна была проявиться особенно рано. Тамъ, гдѣ большую роль играетъ искусство, гдѣ книга преобладаетъ надъ жизнію, любви учить не природа, а художественныя изображенія чувствъ и отношеній, соединяющихъ помыслы. А это преждевременное пробужденіе еще дремлющихъ инстинктовъ обыкновенно ведетъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Такими возбуждающими впечатлѣніями въ особенности была насыщена языческая и полужазыческая жизнь эпохи, къ ко-

1) Ibid. I, 21. 27. Рус. п. I, 19. 24.

2) Ib. I, 16. Рус. п. I, 15.

3) Ibid. III, 1. Рус. п. I, 45.

4) Ibid. V, 14. Рус. п. I, 110.

5) Epist. XCIII, 51.

торой относятся излагаемые событія. Обстановка, украшенія и быть даже богатыхъ христіанскихъ семействъ, такъ прекрасно описанные Климентомъ Александрійскимъ, были рассчитаны на то, чтобы волновать чувственность ¹⁾. Провинціальный городокъ, въ которомъ Августинъ увидѣлъ свѣтъ, и скромная обстановка небогатыхъ родителей были до нѣкоторой степени свободны отъ этихъ соблазновъ, но они ожидали мальчика въ школѣ. Преподаваніе состояло въ чтеніи древнихъ языческихъ поэтовъ, которыми съ наивной откровенностью, соотвѣтствующей степени развитія ихъ отдаленной эпохи, были описаны любовныя похищенія боговъ, ставшія предметомъ литературныхъ подражаній для поэтовъ позднѣйшаго времени. Школьники должны были заучивать отрывки изъ сочиненій съ подобнымъ содержаніемъ. Эти миѳы, дававшіе пищу эстетическимъ задаткамъ Августина, въ особенности интересовали его и усвоились имъ съ большимъ увлеченіемъ. Но отъ учениковъ требовали не только знанія отрывковъ, но и ихъ искуснаго воспроизведенія. Мальчиковъ учили декламации и ораторскому пересказу. То и другое должно было усиливать впечатлѣніе, производимое на душу пластическими разсказами поэтовъ. Чтобы выразительно прочесть стихотвореніе, его нужно прочувствовать, потому что лишь дѣйствительное чувство легко находить соотвѣтствующія содержанію модуляціи голоса. Когда стихотвореніе разучивается для декламации, оно перестаетъ скользить по поверхности сознанія, но глубоко проникаетъ въ сердце и волнуетъ душу. Къ тому же результату долженъ былъ приводить и пересказъ стихотворенія въ прозаической рѣчи. Ученику необходимо было поставить себя въ положеніе дѣйствующаго лица, отъ имени котораго ему приходилось говорить, отдаться внутренне изображаемымъ страстямъ и передать ихъ съ возможной естественностью и правдоподобіемъ ²⁾. Подобныя декламации всегда очень хорошо удавались Августину, и успѣхъ его вполне понятенъ. Отзывчивый и впечатлительный мальчикъ легко поддавался вліянію

¹⁾ *Clemens Alexand. Paedagog. Lib. II, 6. 10 Lib. III, 5. Ed. O. Stählin. Pp. 187—189. 208—226. 254—258. Рус. пер. Н. Корсунскаго. Стр. 161—165. 202—232. 269—278. Ср. M. Glaser. Zeitbilder aus Alexandrien nach Paedagogus des Clemens Alexandrinus. Amberg 1905.*

²⁾ *Confes. I, 27. Рус. п. I, 24.*

эротической лирики и горѣлъ внутренно. Страданія Дидоны, умершей отъ любви къ Энею, вызывали у него слезы ¹⁾. Самъ Августинъ объяснялъ впоследствии раннее пробужденіе у себя чувственности своимъ пристрастіемъ къ языческимъ поэтамъ ²⁾.

На шестнадцатомъ году чувственность начала проявляться у Августина уже съ полною силой. Праздность и дурное общество, въ которыхъ онъ провелъ этотъ годъ, подливали масла въ загорѣвшійся огонь. Вынесенные изъ школы уроки онъ попытался примѣнить теперь къ жизни. Ему хотѣлось любить и быть любимымъ. Но его первые опыты въ этомъ родѣ не были тѣмъ благоухающимъ цвѣткомъ, который можетъ вырастать лишь на совершенно дѣвственной юношеской почвѣ, тѣмъ чистымъ чувствомъ, при которомъ почти не сознается органическая основа волненія, а идеализирующее преклоненіе предъ предметомъ нѣжности исключаетъ даже мысль о нецѣломудренномъ прикосновеніи къ нему. Бл. Августинъ горько оплакиваетъ это въ своей Исповѣди. Идеальный моментъ любви уступалъ въ немъ мѣсто физической страсти. Духовное общеніе любящихъ не имѣло для него большой привлекательности, и свѣтлостъ любви перемѣшивалась съ мрачными порывами похоти. ³⁾ Онъ говоритъ о постоянномъ нечистомъ внутреннемъ гореніи, въ которомъ находился въ то время ⁴⁾, и которое было настолько нездорово, что даже лицо его исхудало и получило болѣзненный видъ. ⁵⁾ Мы не должны входить въ подробности, которыя не пожелалъ сообщить читателю самъ бл. Августинъ въ своихъ искреннихъ признаніяхъ, и доискиваться, насколько эта внутренняя нечистота проявлялась въ физическихъ паденіяхъ. Одно даетъ онъ понять съ совершенною ясностью: на шестнадцатомъ году онъ находился во власти грубой, не прикрашенной никакимъ идеальнымъ элементомъ, половой страсти. Онъ уже любилъ любить, но еще не любилъ въ дѣйствительности. ⁶⁾ Переездъ изъ Тагасты въ Карфагенъ для завершенія образованія принесъ значительную пе-

¹⁾ Ibid. I. 21. Рус. п. I, 19.

²⁾ Ibid. I, 27. Рус. п. I, 24.

³⁾ Ibid. II, 2. Рус. п. I, 29—30.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid. II, 1. Рус. п. I, 29.

⁶⁾ Ibid. III, 1. Рус. п. I, 44.

ремѣну: Августинъ узналъ здѣсь, что такое настоящая любовь съ ея взаимностью, привязанностью, обладаніемъ и муками подозрительности, ревности и ссоры.¹⁾ Весь интересъ жизни сосредоточился для него на томъ, чтобы любить и быть любимымъ, но любить такъ, чтобы любовь была связана съ обладаніемъ.²⁾ Большой охотникъ до зрѣлищъ и театра, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщаетъ теперь такія сценическія постановки, въ которыхъ находятъ изображеніе радостей и мукъ любви, и наслаждается ими, какъ отраженіемъ собственныхъ состояній.³⁾ Какъ въ настоящее время молодежь ходить въ церковь не всегда по благочестивымъ побужденіямъ, такъ было и въ IV вѣкѣ. Особенно праздники въ честь мучениковъ, совершавшіеся на ихъ могилахъ подъ открытымъ небомъ, нерѣдко въ ночное время, становились мѣстомъ тайныхъ свиданій для молодыхъ людей.⁴⁾ Августинъ не былъ въ этомъ отношеніи лучше другихъ и не стѣснялся пользоваться богослужебными собраніями для того, чтобы завязывать сомнительныя знакомства.⁵⁾

Изъ Исповѣди не ясно, позволялъ ли себѣ Августинъ когда-нибудь безпорядочныя отношенія къ женщинамъ, но если въ этомъ отношеніи онъ и не остался безупречнымъ, то во всякомъ случаѣ онъ предавался пороку лишь въ теченіе очень короткаго времени и въ ту пору, когда способность самоопредѣленія не отличается большой устойчивостью. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Кареагенъ онъ сходится съ одной женщиной, любовь къ которой спасаетъ его отъ грубаго разврата. Приблизительно въ концѣ 370 года она становится его конкубиной, а въ 372 году, на восемнадцатомъ году жизни, у него рождается сынъ. Появленіе послѣдняго на свѣтъ всколыхнуло въ отцѣ дремлющее религиозное чувство, и онъ далъ новорожденному младенцу имя Адеодатъ (Богомъ данный).⁶⁾ Избранной женщинѣ Августинъ хранилъ неизмѣнную вѣрность въ теченіе 15 лѣтъ, пока вообще

¹⁾ Ibid. III, 1. Рус. п. I, 45.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. III, 2. 3. Рус. п. I, 46. 47.

⁴⁾ Ib. III, 5. Рус. п. I, 48.

⁵⁾ A. Lucius. Die Anfänge des Heiligenkultus in der christlichen Kirche Tübingen 1904. S. 320—324.

⁶⁾ Confes. IX, 14. Рус. п. I, 246.

дился этотъ союзъ. Такимъ образомъ, семнадцатилѣтній юноша Августинъ, какъ могъ, исправилъ ошибку, которую, по его мнѣнiю, допустили его родители, не рѣшившіеся посредствомъ брака оградить пробудившіеся въ немъ инстинкты отъ злоупотребленiй. Въ старыхъ біографіяхъ бл. Августина его молодость изображается въ слишкомъ темныхъ краскахъ. Поводомъ къ этому послужило глубокое раскаяніе и отвращеніе, съ которыми, достигнувъ христіанской зрѣлости, Августинъ говоритъ о плотскихъ грѣхахъ своей юности. Чтобы правильно, однако, понять его, нужно установить, за что именно онъ такъ сильно осуждаетъ себя. Онъ нигдѣ не обвиняетъ себя въ грубомъ развратѣ. Онъ не порицаетъ самой формы союза, который соединялъ его съ любимой женщиной. Это ясно изъ того, что въ сочиненiи *De bono conjugali*, написанномъ одновременно съ *Исповѣдью*, онъ не осуждаетъ конкубинатъ, какъ таковой, а напротивъ, говоритъ, что иная конкубина можетъ быть почтеннѣе многихъ матронъ.¹⁾ Его связь съ конкубиной нельзя расцѣпывать съ точки зрѣнiя понятiй, господствующихъ въ настоящее время. По воззрѣнiямъ того времени конкубинатъ стоялъ немногимъ ниже брака. Онъ отличался отъ послѣдняго лишь тѣмъ, что ни заключеніе, ни расторженіе его не были стѣснены юридическими формами. Моногамическій конкубинатъ считался столь же чистымъ, какъ и законный бракъ. Самъ Августинъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что этому союзу не недостаетъ лишь почетнаго наименованiя брака.²⁾ Церковь рассматривала конкубинатъ, въ которомъ та и другая сторона хранили взаимную вѣрность, какъ неукоризненный союзъ и не устраняла такихъ лицъ отъ участiя въ таинствѣ Евхаристiи.³⁾

¹⁾ De bon. conjug. 5.

²⁾ Confes. VI, 22. Рус. п. I, 152.

³⁾ Папа Каллистъ призналъ браки знатныхъ римлянъ съ рабами, заключенные закономъ, т. е., можетъ быть, съ согласенiя церкви, дѣйствительными, хотя съ точки зрѣнiя римскаго права это былъ конкубинатъ. *Döllinger, Hippolytus und Kallistus. Regensburg. 1853. S. 158—189. Проф. В. В. Болотовъ. Лекціи по исторiи древней церкви. Т. II, СПб. 1910. Стр. 371—373. Толетанскій соборъ говоритъ о конкубинатѣ, не упоминая о церковномъ разрѣшенiи, но указывая внутреннiя условiя его допустимости: Si quis habens uxorem fidelem, si concubinam habeat, non communicet. Ceterum qui non habet uxorem et pro uxore concubinam habet, a communione non repellatur, tantum ut unius mulieris, aut uxoris, aut con-*

Не форму своего союза съ конкубиной, а самое существо своихъ отношеній къ ней осуждаетъ Августинъ въ Исповѣди.

По мнѣнію Августина конкубинатъ можетъ быть безупречнымъ какъ и бракъ при двухъ слѣдующихъ условіяхъ: 1) если мужчина беретъ конкубину не для того, чтобы отпустить ее, какъ только представится удобный случай выгодно жениться на дѣвушкѣ равной по положенію, но навсегда связываетъ съ ней одну свою судьбу; ¹⁾ и 2) если та и другая сторона въ конкубинатѣ сходятся съ цѣлью дѣторожденія и въ супружескихъ отношеніяхъ не идутъ далѣе необходимаго для достиженія поставленной цѣли. ²⁾ Бл. Августинъ готовъ приравнять конкубинатъ къ брачному сожителству даже въ томъ случаѣ, если мужчина и женщина хранятъ вѣрность другъ другу въ теченіе всей жизни и если они не стараются избѣжать рожденія дѣтей, хотя бы сошлись не ради этой цѣли, а просто по невоздержанію. ³⁾ Теперь ясно, почему онъ смотритъ на свой конкубинатъ какъ на грѣхъ. Прежде всего, онъ не имѣлъ въ виду сдѣлать этотъ союзъ нерасторженнымъ. Онъ заключилъ его на время, до наступленія обстоятельствъ, при которыхъ по матеріальнымъ соображеніямъ онъ могъ бы вступить въ законный бракъ. Поэтому впослѣдствіи онъ отпустилъ свою конкубину, какъ только у него зародились планы относительно женитьбы. ⁴⁾ Во-вторыхъ, и это особенно тяготило его совѣсть, онъ сошелся съ этой женщиной вовсе не для того, чтобы имѣть отъ нея дѣтей, а только для того, чтобы утолить свои чувственныя желанія. Онъ отмѣчаетъ очень опредѣленно, что

cubinae (ut ei placuerit), sit conjunctione contentus (Conc. Tolet. anni 400 cap. 17. *Mansi, Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Т. III, p. 1001). *Notae Bini*, Ibid. p. 1017. Къ конкубинату относились неодобрительно главнымъ образомъ потому, что сожителство, несвязанное никакими юридическими формами, представляло значительныя трудности для дисциплинарнаго контроля. *Tertullianus*. Penes nos occultae quoque conjunctiones, id est non prius apud Ecclesiam professae, juxta moechiam et fornicationem judicari periclitantur. De pudic. c. 4. CSEL. T. XX, p. 225. Ср. *Loofs* Art. Augustinus въ *Herzog Realencyclop.* 3 Aufl. B. II, S. 261.

¹⁾ Serm. CCCXCII, 2.

²⁾ De bon. conjug. 5.

³⁾ Ibid. 5.

⁴⁾ Confes. VI, 25. Рус. п. I, 155—156.

худого и хорошаго было въ этомъ союзѣ. Съ одной стороны, здѣсь была вѣрность одной избранной женщины, съ другой — служеніе похоти и нежеланіе имѣть дѣтей.¹⁾ Такимъ образомъ, конкубинатъ спасъ Августина отъ грубаго разврата и распущенности, но онъ не предохранилъ его отъ утопченной чувственности, которая, напротивъ, благодаря ему съ теченіемъ времени обратилась въ поработшающую привычку. Эта главнымъ образомъ и служило для Августина предметомъ раскаянія; этимъ, далѣе, вполне опредѣляется характеръ и степень его порочности.

Такимъ образомъ, основное содержаніе жизни Августина въ годы, о которыхъ мы говоримъ, составляла жажда удовольствій, которыя онъ извлекалъ изъ удовлетворенія своего тщеславія и чувственности. Въ это именно онъ влагалъ всю свою душу и всю волю. Это былъ его преобладающій интересъ; въ этомъ состоялъ общій смыслъ его жизни. И тѣмъ не менѣе уже въ этомъ раннемъ возрастѣ удовольствія, за которыми онъ гонялся, не насыщали его души и не давали ему счастья, къ которому онъ такъ жадно стремился. Ему были еще недоступны наслажденія духовныя, но онъ уже смутно чувствовалъ, что вульгарныя блага честолубія и плотской любви не дадутъ ему жизни блаженной.

Годы сознательныхъ исканій.

Съ расцвѣтомъ юности все болѣе и болѣе раскрывались великія потенціи души Августина. Онъ приближался къ вершинѣ, съ которой открываются новыя горизонты, широкіе и свѣтлые. Въ это время, на девятнадцатомъ году своей жизни, онъ познакомился съ сочиненіемъ Цицерона *Гортензій*. Обученіе краснорѣчію въ древнихъ школахъ состояло между прочимъ въ ознакомленіи молодыхъ людей съ образцами, располагавшимися для этого въ извѣстномъ порядкѣ. Слѣдуя ему, Августинъ долженъ былъ перейти къ Гортензію. При этомъ имѣлись въ виду чисто формальныя достоинства этого труда, славившагося изяществомъ своего изложенія. На деньги, высланныя матерью, прилежный студентъ приобрѣлъ эту книгу и погрузился въ ея чтеніе, но

¹⁾ Ibid. IV, 2. VI, 22. Рус. п. 1, 69. 153.

она поразила его не своими литературными достоинствами, а содержаніемъ. Цицеронъ привелъ въ ясность то, что уже назрѣвало въ душѣ умнаго и глубоко чувствующаго юноши, подсказалъ слово, которое готово было выйти изъ его устъ. Для Августина прозвучала какимъ-то откровеніемъ основная мысль Гортензія: тѣлесныя блага не могутъ дать счастья; жизнь блаженная состоитъ въ познаніи мудрости, т. е. вещей божественныхъ и человѣческихъ. Вмѣстѣ съ этимъ открылась новая страница въ біографіи Августина, эпоха сознательнаго исканія благъ духовныхъ.

Вліяніе Гортензія. Діалогъ Цицерона *Гортензій* не сохранился до нашего времени. Тѣмъ не менѣе есть полная возможность возстановить его содержаніе по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, а этого вполне достаточно для нашихъ цѣлей. О его содержаніи можно судить, во-первыхъ, по аналогіи съ сочиненіями другихъ авторовъ, относящимися къ тому же литературному типу, хотя и позднѣйшими по времени, во-вторыхъ, на основаніи значительнаго количества сохранившихся фрагментовъ самаго діалога, наконецъ, при помощи сопоставленія послѣднихъ съ параллельными мѣстами изъ тѣхъ трудовъ Цицерона, которыми мы располагаемъ въ ихъ полномъ объемѣ.

Издавая свой *Гортензій*, Цицеронъ не былъ новаторомъ въ литературѣ. Онъ воспользовался готовой литературной формой протрептика: извѣстной издавна. Первымъ образцомъ этого рода произведеній былъ діалогъ Аристотеля *Протрептикъ*, сохранившійся только въ видѣ незначительныхъ отрывковъ. Его латинской переработкой былъ Гортензій Цицерона, также не дошедшій до насъ въ полномъ видѣ ¹⁾. О томъ, что представляли собою сочиненія подобнаго типа въ цѣломъ, и каково могло быть ихъ вліяніе на душу читателей, можно судить по одному произведенію позднѣйшаго времени, вполне сохранившемуся, составленному подъ вліяніемъ Протрептика Аристотеля и Гортензія Цицерона, близко напоминающему по своему общему характеру и обстоятель-

¹⁾ *Zeller*. Die Philosophie der Griechen. Th. II, Abth. 2, 3 Aufl. 1879. S. 63. Th. III, Abth. 1. 3 Aufl. 1880, S. 651. *Diels*, Zu Aristoteles' Protreptikos und Cicero's Hortensius. Archiv für Geschichte der Philosophie. I. (1888). S. 477.

ствамъ происхожденія интересующій насъ трудъ римскаго оратора. Мы разумѣемъ сочиненіе Боэтія *De consolazione philosophiae*, которое съ захватывающимъ интересомъ читалось въ средніе вѣка и служило для многихъ поддержкой и утѣшеніемъ въ несчастіяхъ. Оно было составлено Боэтіемъ въ тюрьмѣ, куда онъ былъ брошенъ по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ. Лишенный имущества и своего высокаго общественнаго положенія, онъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ пыткой и смертной казнью, которымъ въ концѣ концовъ и подвергся. Но находясь въ такомъ ужасномъ положеніи, безвозвратно утративъ все и по собственному опыту познавъ брѣзность земного счастья, онъ сохранилъ достаточно силы духа, чтобы воодушевиться высшимъ идеаломъ и найти примиреніе въ философіи ¹⁾. Изъ этого примѣра и изъ огромнаго вліянія сочиненія Боэтія на послѣдующія поколѣнія, мы можемъ видѣть, съ какимъ обаяніемъ философія того времени умѣла привлекать къ себѣ сердца и освобождать людей отъ естественнаго пристрастія къ ближайшимъ благамъ жизни.

При подобныхъ же обстоятельствахъ и въ настроеніи, напоминающемъ несчастнаго Боэтія, былъ написанъ Цицерономъ діалогъ Гортензія. Общественная дѣятельность и политическая борьба были для Цицерона родной стихіей, въ которой онъ чувствовалъ себя бодрымъ, полнымъ силъ, удовлетвореннымъ. Служеніе государству онъ всегда ставилъ выше философскаго созерцанія. Философію онъ высоко цѣнилъ, но полагалъ, что гражданинъ имѣетъ право заниматься ею лишь въ видѣ отдыха и самымъ этимъ занятіемъ обязанъ приносить пользу отечеству. Но въ 46 г. до Р. Х. Цезарь становится почти самодержавнымъ монархомъ, власть котораго никѣмъ уже не оспаривается. Для общественной дѣятельности ораторовъ не остается мѣста. Цицеронъ оказывается не у дѣлъ. Выбитый изъ родной стихіи, старый республиканецъ удаляется въ свое имѣніе съ чувствомъ полнаго пораженія. Вслѣдъ за этимъ на его голову обрушивается одно несчастіе за другимъ. Онъ теряетъ друзей,

¹⁾ O. Bardenhewer. Patrologie. 3 Aufl. 1910. S. 541—544. G. A. Müller, Die Trostschrift des Boëthius. Beitrag zu einer litterarhistorischen Quellenuntersuchung. Berlin 1912. S. 9—11.

подвергается преслѣдованіямъ, лишается горячо любимой дочери. Смерть Тулліи поразила Цицерона съ тѣмъ большей силой, что теперь онъ не могъ уже искать забвенія въ острыхъ впечатлѣніяхъ политической борьбы. Тогда, какъ въ послѣдствіи Боэтій, онъ попытался найти утѣшеніе въ философіи ¹⁾. Внѣшнія блага Цицеронъ не особенно цѣнилъ и въ лучшія времена. Правда, теоретически онъ придавалъ имъ нѣкоторое значеніе на томъ основаніи, что для человѣка, состоящаго изъ тѣла и души, полное счастье можетъ дать только удовлетвореніе какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ потребностей, однако блага тѣлесныя онъ ставилъ такъ низко по сравненію съ благами духовными, что это почти равнялось ихъ полному отрицанію. Теперь, потерявъ все, что изъ этихъ благъ было для него особенно дорого, онъ съ необывалою ясностью почувствовалъ, что они бѣгутъ, какъ волны быстрого потока, и что воля наша бессильна удержать любимое. Это глубокое чувство бренности всего земного онъ вложилъ въ діалогъ Гортензій со всею силою своего литературнаго таланта.

Гортензій представлялъ собою діалогъ между четырьмя лицами—Цицерономъ, Гортензіемъ, Лукулломъ и Католомъ,—происходившій на дачѣ послѣдняго. Содержаніемъ его служило увѣщаніе къ занятію философіей. Изъ дѣйствующихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ бесѣдѣ, Катулъ говоритъ въ пользу поэзіи, Лукуллъ отдастъ предпочтеніе исторіи, а Гортензій ставитъ выше всего краснорѣчіе и довольно пренебрежительно отзывается о философіи. Противъ знаменитаго адвоката выступаетъ Цицеронъ и защищаетъ философію отъ его нападокъ. Въ своей рѣчи Цицеронъ исходитъ изъ того безспорнаго положенія, что всѣ люди хотятъ быть блаженными и стремятся къ счастью. Сама природа вложила въ человѣка это благотѣльное стремленіе, а вмѣстѣ съ нимъ и знаніе, въ чемъ состоитъ истинное счастье, но Голосъ природы заглушаютъ многочисленныя заблужденія. Отсюда одни полагаютъ высшее благо въ богатствѣ, другіе въ почетномъ положеніи среди своихъ согражданъ, третьи во власти, четвертые въ славѣ, пятые въ чувственныхъ удо-

¹⁾ A. Goelcke Meyer. Geschichte des griechischen Skeptizismus. Leipzig 1905. S. 135—136.

вольствіяхъ. Но суетность всего этого очевидна. Самая громкая извѣстность не идетъ дальше клочка земли, на которомъ мы живемъ, не достигаетъ другихъ странъ и народовъ и исчезаетъ какъ дымъ въ потокъ времени. Богатство, обеспечивающее всевозможныя удовольствія, не въ нашей власти. Одного страха потерять его достаточно, чтобы разрушить счастье обладанія имъ. Всѣ эти заблужденія происходятъ отъ того, что въ человѣкѣ живой безсмертный духъ насильственно связанъ съ мертвымъ тѣломъ. Это—отвратительный разлагающійся трупъ, который душа всюду носить съ собою. Однако, противъ человѣческихъ заблужденій, этихъ болѣзней души, есть лѣкарство. Его даетъ философія. Она освобождаетъ умъ отъ предразсудковъ, убѣждаетъ въ измѣнчивости счастья и внушаетъ любовь къ добродѣтели. Безъ добродѣтели нѣтъ блаженной жизни, и добродѣтель не можетъ не влечь за собою счастья. Она—благо, которое находится въ нашихъ рукахъ, и никакія превратности судьбы не могутъ отнять его. Однако и добродѣтель не является послѣднимъ предѣломъ желаній, потому что самое существованіе ея обусловлено бѣдствіями настоящей жизни и связью души съ тѣломъ. Если дѣйствительно существуютъ острова блаженныхъ, гдѣ духи, освободившись отъ узъ плоти, проводятъ жизнь безъ всякой печали, то тамъ нѣтъ мѣста для добродѣтели. Тамъ не можетъ быть мужества, потому что нѣтъ ни труда, ни опасности, не можетъ быть справедливости, потому что нѣтъ желанія чужого, не можетъ быть воздержанія, потому что отсутствуютъ страсти, для обузданія которыхъ оно необходимо, не можетъ быть благоразумія, такъ какъ нѣтъ нужды производить выборъ между добромъ и зломъ. Блаженство духовъ состоитъ единственно въ познаніи ¹⁾. За этимъ заявленіемъ въ рѣчи Цицерона слѣдовалъ патетическій призывъ къ мудрости, восторженное изображеніе радостей познанія и блаженнаго приобщенія къ истинѣ, о силѣ которыхъ можно судить по соотвѣтствующимъ мѣстамъ въ сохранившихся сочиненіяхъ Цицерона ²⁾. Но философія даетъ человѣку счастье не только въ жизни, но и

¹⁾ *Augustinus*, De Trinit XIV, 12.

²⁾ *Cicero*, Tuscul. V. 24—25. Ed. *M. Nisard*. Oeuvres complètes de Cicéron avec la traduction en français. 1864. T. IV, p. 62—63.

въ смерти. Послѣдняя судьба человѣка неизвѣстна: жизнь его или кончается вмѣстѣ со смертью тѣла или продолжается послѣ нея въ безсмертныхъ обителяхъ. Кого философія убѣдила въ первомъ, тотъ видитъ, что гдѣ нѣтъ чувства, тамъ нѣтъ и зла. Онъ безъ страха идетъ къ своей могилѣ, какъ къ желанному отдыху послѣ трудовъ и заботъ о дѣлахъ человѣческихъ. Кто, наоборотъ, примкнетъ къ лучшимъ изъ мыслителей и признаетъ безсмертіе души, для того станетъ ясно, что небеса открыты въ особенности для тѣхъ, кто, оставивъ заботы о тѣлѣ, возносился туда на крыльяхъ своей мысли. Итакъ, заключалъ Цицеронъ, хотимъ ли мы спокойно умереть или безъ замедленія переселиться въ лучшіе обители, мы должны всецѣло отдаться познанію истины и философіи ¹⁾. Однако, рекомендуя философію, Цицеронъ не имѣлъ въ виду какую-либо опредѣленную догматическую систему. Онъ разумѣлъ подъ нею познаніе истины вообще, которое должно освободить человѣка отъ его заблужденій и указать ему путь къ блаженной жизни. Онъ предупреждалъ отъ ложныхъ философовъ и настойчиво рекомендовалъ критическое отношеніе къ нимъ и самостоятельность мысли ²⁾.

Диалогъ Цицерона, въ которомъ были изложены идеи широко распространенныя въ тогдашней философіи, порожденные потребностями среды, подъ вліяніемъ которой находились въ большей или меньшей степени всѣ, выраженныя съ чисто стихійной силой убѣжденности, обусловленной личными обстоятельствами и душевнымъ состояніемъ автора, произвелъ на Августина необыкновенно сильное впечатлѣніе. То, что до сихъ поръ лишь смутно бродило въ его душѣ,—неясное чувство безпокойства и неудовлетворенности, слѣдовавшее за опьяненіемъ страсти,—теперь получило осязательную форму и нашло слово для своего выраженія. Онъ понялъ, что ни успѣхи въ жизни, ни осуществленіе честолюбивыхъ стремленій, ни порывы чувственности не могутъ насытить его души и дать ему той полноты бытія, къ которой онъ безсознательно стремился. „Эта книга, пишетъ онъ,

¹⁾ *August. De Trinit. XIV, 26.*

²⁾ Содержаніе Гортензія см. *O. Plasberg. De M. Tullii Ciceronis Hortensio dialogo. Lipsiae 1892.*

измѣнила мое настроеніе, измѣнила предметъ моихъ молитвъ къ Тебѣ, Господи, внушила мнѣ другіе обѣты и желанія. Сразу потеряли въ моихъ глазахъ всякую цѣну суетныя надежды, и съ невыразимымъ жаромъ сердца я сталъ желать безсмертія мудрости и началъ вставать, чтобы идти обратно къ Тебѣ“. ¹⁾ Но если низменныя удовольствія плоти перестали казаться ему привлекательными, то лишь потому, что онъ позналъ въ этотъ знаменательный моментъ своей жизни сладость интеллектуальныхъ наслажденій. До сихъ поръ онъ очень усердно учился, но умственные занятія были для него только средствомъ для достиженія совершенно постороннихъ цѣлей: онъ думалъ только о томъ, чтобы обезпечить для себя этимъ путемъ выгодное и почетное положеніе въ обществѣ. Цицеронъ своимъ пафосомъ далъ ему почувствовать несравненную прелесть умственныхъ откровеній, независимо отъ тѣхъ результатовъ, къ какимъ они могутъ приводить. Съ этого времени Августинъ получилъ способность черпать наслажденіе въ высокихъ порывахъ духа къ истинѣ. Произошло перемѣщеніе центра тяжести въ основномъ направленіи его жизни, и это опредѣлило собою цѣлую программу для послѣдующихъ сознательныхъ исканій юноши. Отнынѣ онъ перестаетъ слѣпо повиноваться своимъ инстинктамъ и начинаетъ стремиться къ опредѣленной разумно поставленной цѣли — самому для себя выковывать дѣйствительное счастье, построить его на разумныхъ началахъ и сдѣлать его неуязвимымъ для превратностей судьбы. ²⁾ Но эта задача слагалась изъ двухъ моментовъ — отрицательнаго и положительнаго. Прежде всего для достиженія идеала блаженной жизни недостаточно было убѣдиться въ томъ, что внѣшнія блага не могутъ дать успокоенія вѣчно мятущейся душѣ человѣка. Нужно было не только это знать, но и перестать желать наслажденій, осужденныхъ умомъ. Бл. Августинъ неоднократно повторяетъ, что переходъ отъ плотскаго состоянія къ духовному всегда начинается съ убѣжденій ума и лишь постепенно и значительно позднѣе

¹⁾ Confes. III, 7. Рус. пер. I, 50. Solil. I, 17. Рус. пер. II, 244.

²⁾ Самъ бл. Августинъ характеризуетъ задачу, которую поставили для себя онъ и его друзья, какъ исканіе блаженной жизни. Confes. VI, 17. 19, Рус. п. I, 147. 150.

захватываетъ чувство и волю. ¹⁾ Подъ вліяніемъ Гортензія, Августинъ убѣдился, что не должно стремиться къ богатству, извѣстности и утѣхамъ чувственной любви, но воля его находилась во власти этихъ страстей, и его желанія нисколько не соотвѣтствовали слагающимся убѣжденіямъ. Въ будущемъ необходима была упорная борьба, чтобы освободиться отъ ихъ подавляющей силы и достигнуть гармоніи духа. Это—отрицательная сторона поставленной задачи. Не менѣе важное значеніе имѣла ея вторая, положительная сторона. Она состояла въ безпристрастномъ и объективномъ „изысканіи мудрости“, т. е. въ приобрѣтеніи истиннаго знанія о вещахъ божественныхъ и человѣческихъ, которое, нося въ себѣ самомъ элементъ высокаго наслажденія, могло бы дать еще и непререкаемое указаніе относительно того, въ чемъ состоитъ высшее благо. Бл. Августинъ говоритъ объ охватившемъ его въ это время пламенномъ желаніи полюбить не ту или другую секту, а самую мудрость, какова бы она ни была, ее одну искать, найти и удерживать ее въ своихъ объятіяхъ, какъ можно крѣпче. ²⁾ Самостоятельное изслѣдованіе истины съ цѣлью выяснить положеніе человѣка въ мірѣ и на основаніи этого опредѣлить, что составляетъ для него высшее благо и что можетъ дать ему дѣйствительное счастье, Августинъ поставилъ въ первую очередь, потому что отрицательная сторона намѣченной задачи въ это время была для него психологически неосуществима. Его страсти были еще слишкомъ молоды, свѣжи, стихійны и бурны, а противоположные мотивы слишкомъ слабы, чтобы можно было съ надеждой на успѣхъ вступить въ борьбу съ первыми во имя вторыхъ. И онъ отлагалъ борьбу съ ними въ неопредѣленное будущее. Онъ молилъ Бога даровать ему воздержаніе и цѣломудріе, но только не сейчасъ. ³⁾ Въ незавершенности своихъ теоретическихъ изслѣдованій онъ находилъ оправданіе для такой медлительности. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ рѣшительно отказаться отъ низшихъ благъ жизни, нужно знать, во имя чего, во имя какого высшаго блага слѣдуетъ принести эту тяжкую жертву. Не лучше ли, поэтому,

¹⁾ De div. quaest. LXVII, 6. De lib. arb. III. 65.

²⁾ Confes. III, 8. Рус. п. I, 51.

³⁾ Ibid. VIII, 17. Рус. п. I, 218.

отложить рѣшительный моментъ до того времени, когда уму откроется Истина во всемъ ея блескѣ? ¹⁾ Нужно было, чтобы опьяняющіе цвѣты юности поблекли, чтобы яркія краски, которыми встрѣчаетъ человѣка міръ, потускнѣли, чтобы жизненный опытъ подлилъ желчи въ чашу наслажденій, чтобы выросли и окрѣпли высшія стремленія. Тогда только въ душѣ Августина могла возникнуть серьезная нравственная борьба. Этимъ опредѣляется порядокъ дальнѣйшаго изложенія исторіи развитія бл. Августина. Сначала мы займемся его интеллектуальными заблужденіями и пріобрѣтеніями.

Со времени ознакомленія съ діалогомъ Цицерона Гортензій Августинъ пускается въ поиски за истиной. Онъ рѣшается выработать для себя самостоятельные философскіе взгляды, которые привели бы его къ жизни блаженной. Но на этомъ пути его встрѣчаетъ рядъ самыхъ плачевныхъ недоразумѣній. Въ сущности все то, къ чему онъ стремился и что въ концѣ концовъ дѣйствительно дало ему удовлетвореніе и жизнь блаженную, насколько вообще такая жизнь возможна въ условіяхъ земного существованія, находилось въ распоряженіи церкви, въ преддверіи которой онъ стоялъ въ качествѣ катехумена. Но онъ удивительно мало зналъ о церкви и ея ученіи и поэтому искалъ успокоенія внѣ ея, а когда выступалъ противъ нея, то сражался съ тѣнями.

Первое знакомство съ Писаніемъ. Если бы Августинъ былъ совершенно свободенъ отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій, то, конечно, свои поиски онъ началъ бы съ изученія сочиненій Цицерона, которому былъ обязанъ пробужденіемъ запросовъ духа и отъ котораго получилъ столь сильное нравственное возбужденіе, или, по его же примѣру, обратился бы къ изученію всевозможныхъ философскихъ системъ, чтобы на основаніи ихъ составить собственный взглядъ на вещи. Но какъ мы уже сказали, онъ всегда былъ христіаниномъ и не допускалъ, чтобы путь къ Богу, истинѣ и вѣчной жизни могъ быть найденъ помимо Христа. Онъ хотѣлъ мудрости, но мудрости непремѣнно и христіанской. У Цицерона же онъ не нашелъ имени Христа и

¹⁾ Ibid. VI, 18. Рус. п. 1, 148.

потому не рѣшился отдаться подъ его руководство. ¹⁾ За разрѣшеніемъ всѣхъ своихъ вопросовъ онъ счелъ единственно правильнымъ обратиться къ ученію Христа, но, слѣдуя совѣтамъ Цицерона, онъ не хотѣлъ смотрѣть на него сквозь чужіе очки. Ему хотѣлось все провѣрить критически, безпристрастно взвѣсить, и изъ изученія христіанства вынести собственное впечатлѣніе. При такихъ стремленіяхъ естественно всего было направить изслѣдованіе на источники христіанскаго вѣроученія, чтобы получить истину изъ первыхъ рукъ. И Августинъ обратился не къ философамъ, но и не къ епископамъ или учителямъ церкви, а къ Священному Писанію, съ цѣлью прочесть Библію отъ доски до доски. ²⁾ Однако впечатлѣніе у него получилось самое неожиданное. При переходѣ отъ Цицерона къ Писанію само собою напрашивалось сравненіе между ними и, когда Августинъ произвелъ его, ему показалось, что Писаніе совершенно лишено тѣхъ достоинствъ, которыми блистаютъ сочиненія Туллія. ³⁾ Намъ предстоитъ теперь съ возможною точностью установить, что именно, какія черты Писанія произвели на Августина такое неблагопріятное впечатлѣніе.

Мы въ значительной степени приблизимся къ пониманію впечатлѣнія, произведеннаго Библіей на Августина, если намъ удастся выяснитъ, какія именно части Св. Писанія были имъ прочтены. Опреѣленно Исповѣдь объ этомъ не говорить, но изъ нея не трудно видѣть, съ какими священными книгами Августинъ впервые познакомился гораздо позднѣе. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, онъ не читалъ еще Новаго Завѣта, во всякомъ случаѣ ему не было извѣстно содержаніе посланій ап. Павла, которыя такимъ кореннымъ образомъ измѣнили его религіозное настроеніе впоследствии. ⁴⁾ Изъ Ветхаго Завѣта пророковъ и Псалтири въ это время онъ также еще не читалъ. Лишь готовясь къ крещенію, онъ приступилъ, по совѣту св. Амвросія, къ чтенію пророчествъ Исаи, но тотчасъ же прервалъ его, потому,

¹⁾ Ibid. III, 8. Рус. п. I, 51.

²⁾ Ibid. III, 9. Рус. п. I, 51.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Confes. VII, 24, 26—27. Рус. п. I, 188—189. 192—196. Августинъ съ увлеченіемъ сталъ читать посланіе ап. Павла, уже познакомившись съ сочиненіями неоплатониковъ. Ibid. VII, 26. III, 8. Рус. п. I, 51.

что эта книга оказалась совершенно недоступной для его пониманія и не возбудила въ немъ интереса. ¹⁾ Этотъ фактъ убѣждаетъ, конечно, въ томъ, что и прочіе пророки до сихъ поръ не интересовали его и не были ему извѣстны. Въмѣсто кн. прор. Исаи въ періодъ своего подготовленія къ крещенію, онъ занялся чтеніемъ псалмовъ и открылъ въ нихъ неизсякаемый источникъ религіознаго одушевленія, и это было для него совершенной новостью. ²⁾ Остаются, такимъ образомъ, Законъ и книги историческія. Хотя нѣтъ положительныхъ данныхъ, которыя могли бы подтвердить это съ несомнѣнностью, однако представляется очень вѣроятнымъ, что въ изученіи источниковъ христіанской религіи нетерпѣливый молодой человѣкъ не пошелъ далѣе книги Бытія. Въ ней онъ встрѣтилъ для себя очень много соблазнительнаго. Не даромъ же впослѣдствіи, когда, въ качествѣ каеологическаго писателя, онъ поставилъ для себя задачей разсѣять всѣ сомнѣнія, возбуждаемыя Ветхимъ Завѣтомъ, онъ пять разъ принимался за комментарий первыхъ главъ книги Бытія. ³⁾ Не потому ли это, что по собственному опыту онъ считалъ эту книгу, и въ особенности Шестодневъ, наиболѣе опасными?

Бл. Августинъ говоритъ, что Писаніе смиренно по внѣшности, но возвышенно для пониманія и содержитъ въ себѣ тайны. Его нужно или принять безъ всякихъ умствованій, благоговѣнно склонившись предъ авторитетомъ божественнаго откровенія, или понять его внутренній смыслъ. Эта смиренная внѣшность, заключающая въ себѣ высокія тайны, и есть то, что въ Ветхомъ Завѣтѣ могло казаться слишкомъ наивнымъ и не соотвѣтствующимъ величію Божію, но истолковывалось экзегетами въ духовномъ смыслѣ. Августинъ въ то время былъ не въ силахъ ни проникнуть во внутренній смыслъ Писанія, ни смиренно принять его въ буквальный значеніи. Понять его внутреннее содержаніе онъ не могъ потому, что былъ еще слишкомъ молодъ и не былъ знакомъ

¹⁾ Ibid. IX, 13. Рус. пер. I, 245.

²⁾ Ibid. IX, 8—12. Рус. п. I, 240—245.

³⁾ De Genesi contra manichaeos libri II (389—390 r.), De Genesi ad litteram imperfectus liber (393 r.). Confessiones. Lib. XI—XIII (400 r.). De Genesi ad litteram libri XII (401—415). De Civ. Dei. Lib. XI (Кн. X послѣ 415 r.).

съ аллегорическимъ методомъ толкованія. Въ Александріи весь Ветхій Завѣтъ былъ истолкованъ аллегорически въ твореніяхъ Климента и особенно Оригена, но въ Карфагенѣ этотъ методъ не былъ распространенъ. Вліятельные христіанскіе писатели сѣверной Африки почти не пользовались имъ. Тертулліанъ въ сущности былъ его противникомъ, и старался всячески ограничить область его примѣненія ¹⁾, а у св. Кипріана вообще очень мало экзегетики. Естественно послѣ этого, что аллегоризмъ не находилъ мѣста и въ проповѣдяхъ рядовыхъ епископовъ, а слѣдовательно, былъ неизвѣстенъ и христіанской общинѣ. Такимъ образомъ, Августинъ не могъ знать о немъ даже по наслышкѣ и не подозревалъ, что текстамъ Библіи, соблазнявшимъ его, можно дать совершенно удовлетворительное объясненіе. Съ другой стороны, онъ не могъ принять Писанія и въ его буквальномъ значеніи. Этому мѣшала его гордость и самонадѣянность. Онъ смотрѣлъ на Библію сверху внизъ, съ высоты своей скороспѣлой учености ²⁾. Ему достаточно было самого поверхностнаго знакомства съ Писаніемъ и перваго непровѣреннаго впечатлѣнія, чтобы произвести окончательное сужденіе о предметѣ такой огромной важности. Самоувѣренный юноша не пожелалъ даже ни у кого изъ людей компетентныхъ спросить совѣта по поводу своихъ недоумѣній. Церковь и ея представители не внушали ему никакого довѣрія. Взглядъ язычниковъ на христіанство, какъ на религію враждебную просвѣщенію и наукѣ раздѣлялся очевидно и имъ ³⁾. Въ результатѣ Августинъ пришелъ къ полному отрицанію Ветхаго Завѣта. Съ этого времени повѣствованія книги Бытія стали для него не болѣе, какъ басни старухъ ⁴⁾. Однако, столь рѣшительный выводъ достался ему не безъ борьбы. Нѣкоторое время онъ еще чувствовалъ себя связаннымъ авторитетомъ Писанія и не сразу рѣшился развернуть свои паруса, чтобы пуститься въ свободное плаваніе за философскимъ пониманіемъ христіанства ⁵⁾. Но колебанія его

¹⁾ См. нашу брошюру Тертулліанъ (опытъ литературной характеристики). Сергіевъ посадъ. 1893. Стр. 10—11. *И. И. Адамовъ*. Св. Амвросій Медиоланскій. Сергіевъ посадъ. 1915. Стр. 181—183.

²⁾ *Serm.* LI, 6.

³⁾ *De utilit. cred.* 13.

⁴⁾ *Ibid.* 2.

⁵⁾ *De beat. vit.* 4. Рус. п. II, 108.

были непродолжительны, а встрѣча съ манихеями дала опредѣленное направленіе его плаванію.

Манихейство Августина. Изъ примѣра Августина можно видѣть, какъ вѣрно угадали потребность времени великіе александрійскіе учителя, Климентъ и Оригенъ, въ своихъ стремленіяхъ на ряду съ простою вѣрой поставить гносисъ, какъ равноправную ей форму христіанской жизни. Въ Александріи, гдѣ просвѣщеніе стояло такъ высоко, эта потребность сказывалась особенно настоятельно. Въ составъ церковной общины входили здѣсь, съ одной стороны, люди простые, охотно удовлетворявшіеся млекомъ, съ другой — представители науки и образованія, которые въ своемъ порывѣ къ совершенству искали болѣе глубокаго пониманія христіанства. Если бы Августинъ жилъ въ Александрію, ему не пришлось бы искать христіанской мудрости внѣ церкви: онъ не имѣлъ бы никакихъ данныхъ для того, чтобы отнестись свысока къ великому Оригену, стоявшему на уровнѣ тогдашняго образованія, и вѣроятно обрѣлъ бы мудрость, которой жаждалъ, въ его гносисѣ.

Карфагенская церковь не знала гносиса, не имѣла въ своихъ рядахъ такихъ просвѣщенныхъ учителей, какъ Оригенъ, и Августинъ могъ найти христіанскихъ или, вѣрнѣе, мнимо христіанскихъ философовъ только въ лицѣ манихеевъ, которые были очень многочисленны въ сѣверной Африкѣ. Одно чисто внѣшнее обстоятельство содѣйствовало его сближенію съ членами секты. Это—ихъ вкрадчивая привѣтливость, казавшаяся сердечностью и невольно распадавшая въ ихъ пользу молодого человѣка, еще слишкомъ довѣрчиваго и неопытнаго въ жизни¹⁾. Общаніе же глубокихъ религіозныхъ откровеній и при томъ рачіонально обоснованныхъ возбудило въ немъ страстное желаніе ознакомиться съ ихъ ученіемъ. Онъ оказалъ имъ довѣріе и отдалъ предпочтеніе предъ языческими философами потому, что не сомнѣвался въ христіанскихъ основахъ ихъ доктрины. Они выдавали себя за христіанъ, а имена Іисуса Христа и Духа Утѣшителя не сходили у нихъ съ языка. Съ этими именами, правда, они соединяли понятія, не имѣвшія оправданія въ Евангеліи, но для молодого катехумена, очень слабо освѣдомлен-

¹⁾ De duab. anim. 11.

наго въ дѣйствительномъ значеніи церковнаго ученія, это не могло быть ясно съ первыхъ шаговъ его сближенія съ еретиками¹⁾. Съ другой стороны, онъ видѣлъ въ нихъ не только христіанъ, но и философовъ, потому что они надѣвали на себя личину свободныхъ изслѣдователей истины. Они съ презрѣніемъ говорили объ авторитетѣ, убѣждали не поддаваться его устрашающему вліянію и не допускать, чтобы въ свободномъ шествіи къ истинѣ доказательства замѣнялись приказаніями. Себя самихъ они противопоставляли въ этомъ отношеніи церкви; по ихъ словамъ, они никого не принуждаютъ къ вѣрѣ, прежде чѣмъ докажутъ безспорность своего ученія чисто раціональнымъ путемъ. Они обѣщали указать путь къ Богу и освободить отъ заблужденія при помощи одного только разума и общедоступныхъ, для всѣхъ убѣдительныхъ доказательствъ. Подобныя обѣщанія и сами по себѣ представляютъ большой соблазнъ для юноши, въ которомъ впервые пробудилась жажда знанія. Для Августина же они имѣли особую притягательную силу еще и потому, что совершенно совпадали съ совѣтами Цицерона. Цицеронъ предупреждалъ его отъ слишкомъ поспѣшнаго увлеченія школами, которыя, обѣщая истину, сѣютъ заблужденіе, убѣждалъ никому не вѣрить безъ испытанія его доводовъ и на свой страхъ искать истины, стоящей выше разногласія школъ. Манихеи дѣлали видъ, что никому не хотятъ навязывать своего ученія, а требуютъ только ознакомленія съ нимъ, которое позволило бы убѣдиться въ его раціональности и обоснованности²⁾. Августинъ рѣшилъ слѣдовать ихъ указанію въ своихъ поискахъ мудрости. Манихейство безъ всякихъ затрудненій овладѣло симпатіями пылкаго юноши. Достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобы искоренить въ немъ вѣру, воспитанную матерью. Онъ пересталъ считать себя катехуменомъ каеолической церкви и формально присоединился къ сектѣ въ качествѣ „слушающаго“, т. е. ставъ въ такое же отношеніе къ ней, въ какомъ до этого находился къ церкви³⁾. Въ теченіи девяти лѣтъ онъ былъ членомъ этого религіознаго сообщества, надѣясь найти здѣсь

¹⁾ Confes. III, 10, Рус. п. I, 52.

²⁾ Confes. III, 10, Рус. п. I, 52—53.

³⁾ De duab. an. 1.

удовлетвореніе своимъ религіознымъ и умственнымъ запросамъ¹⁾. Мы попытаемся теперь выяснитъ, въ какихъ именно сторонахъ манихейской доктрины Августинъ находилъ отвѣтъ на эти запросы.

По существу манихейство, конечно, не могло дать пищи раціоналистическимъ стремленіямъ Августина, но онъ не сталъ бы довольствоваться и одними мифами. Если онъ такъ долго оставался въ манихействѣ, то, конечно, потому, что находилъ въ немъ нѣчто, показавшееся ему логически несомнѣннымъ. Только это не касалось положительнаго элемента въ манихействѣ, а было его отрицательной стороной. Не система манихеевъ казалось ему безспорной, а ихъ критика Ветхаго Завѣта. Самъ бл. Августинъ очень отчетливо различаетъ въ ученіи манихеевъ положительную и отрицательную сторону и ясно говоритъ, что манихейство представлялось ему очень сильнымъ въ критикѣ, тогда какъ его собственная система возбуждала большія сомнѣнія и не казалась особенно основательной. Онъ принималъ ее только за неимѣніемъ лучшаго. Это между прочимъ и послужило для него однимъ изъ побужденій не слишкомъ тѣсно связывать себя съ сектой, а оставаться простымъ слушателемъ²⁾. Разсмотримъ теперь подробнѣе отношеніе бл. Августина къ отрицательной и положительной сторонѣ манихейства.

Различіе двухъ Завѣтовъ издавна служило оправданіемъ дуализма. Признавая бытіе двухъ началъ, послѣдній видѣлъ въ Ветхомъ Завѣтѣ произведеніе темныхъ силъ, а въ Новомъ—откровеніе благого и свѣтлаго Бога. По этому же пути пошли манихеи. Они отнюдь не отрицали сверхъестественнаго происхожденія Ветхаго Завѣта; напротивъ, они признавали его откровеніемъ нездѣшняго міра, въ которомъ отобразилась природа существа, его продиктовавшаго, какъ вообще личность писателя или художника обнаруживается въ его сочиненіяхъ, картинахъ, статуяхъ. Поэтому, полагали они, выяснитъ особенности Ветхаго Завѣта, значитъ составить характеристику его автора и на основаніи ея судить, къ какому классу существъ его должно отнести. По мнѣнію

¹⁾ Confes. III, 20; V, 10. Рус. п. 1, 64. 104. De util. cred. 2. De morib. manich. II, 68.

²⁾ De utilit. cred. 2.

манихеевъ, Ветхій Завѣтъ отличается демоническимъ характеромъ и этимъ изобличаетъ, что Богъ, открывшійся въ немъ, есть не кто иной, какъ князь тьмы. Къ доказательству этого положенія клонилась вся ихъ критика закона и пророковъ. Они старательно выискивали здѣсь религіозныя и логическія несообразности, при каждомъ удобномъ случаѣ отмѣчали низменность нравственныхъ понятій, отразившихся въ библейской исторіи и закрѣпленныхъ Закономъ Моисея. Подобныя операціи съ священнымъ текстомъ не представляли для манихеевъ особенныхъ затрудненій, потому что они рѣшительно отрицали символическій характеръ Ветхаго Завѣта, не хотѣли считаться даже съ естественной образностью рѣчи и самыя очевидныя метафоры брали въ прямомъ и грубо буквалистическомъ смыслѣ. Перетолкованный и искаженный такимъ образомъ Ветхій Завѣтъ они противопоставляли Новому и не находили между ними ничего общаго. Доказательству излюбленнаго тезиса литературныя силы секты посвятили обширныя сочиненія, въ которыхъ потратили не мало остроумія.

Этой критикой Ветхаго Завѣта и каеолической вѣры манихеи обыкновенно начинали свою осмотрительную пропаганду. Они не сразу посвящали неофита во всѣ подробности своей фантастической метафизики, такъ какъ ясно видѣли, что ею они могутъ произвести очень неблагоприятное впечатлѣніе на человѣка, недостаточно подготовленнаго, а сначала, указывая на соблазнительныя мѣста Ветхаго Завѣта, просили объяснить ихъ и этимъ ставили втупикъ неопытныхъ въ толкованіи Писаній ¹⁾. Безъ сомнѣнія съ этого же начались и бесѣды Августина съ манихеями. Но почва для довѣрчиваго отношенія къ нападкамъ на Ветхій Завѣтъ была подготовлена въ немъ собственнымъ впечатлѣніемъ, только что вынесеннымъ изъ чтенія Св. Писанія. Въ кн. Бытія онъ не увидѣлъ ничего, кромѣ басенъ ²⁾, а у манихеевъ нашелъ въ подробной разработкѣ и систематической связи тѣ самыя недоумѣнія, которыя были навѣяны на него самого Ветхимъ Завѣтомъ.

Болѣе всего смущалъ Августина антропоморфизмъ Ветхаго

¹⁾ De agon. christ. 4.

²⁾ De utilit. cred. 2.

Завѣта, который, какъ ему казалось, съ необходимостью вытекалъ изъ повѣствованія книги Бытія о созданіи человѣка по образу Божію. Мы уже говорили, что представленіе о безпредѣльности Божіей у нѣкоторыхъ раннихъ христіанскихъ писателей получило пространственный характеръ, выразившійся въ формулѣ: Богъ объемлетъ пространство, но Самъ имъ не объемлется, и что Августинъ, котораго никогда не покидала идея абсолютности и неограниченности Бога, раздѣлялъ это представленіе, пока не познакомился съ неоплатонизмомъ. Мысль о безконечномъ протяженіи Божественнаго Существа и дѣлала его противникомъ антропоморфизма. Онъ считалъ постыднымъ и недостойнымъ величія Бога приписывать Ему образъ человѣческой плоти и ограничивать Его безпредѣльность очертаніями человѣческаго тѣла ¹⁾. Долгое время Августинъ не могъ понять, въ чемъ иномъ, какъ не въ тѣлѣ, можетъ заключаться образъ Божій, которымъ Творецъ почтилъ человѣка. Ему не было извѣстно, что Церковь иначе комментируетъ слова кн. Бытія объ образѣ Божіемъ и вовсе не раздѣляетъ того грубаго антропоморфизма, который онъ приписывалъ ей по невѣдѣнію ²⁾.

Второй пунктъ, особенно поразившій Августина въ манихейской критикѣ Ветхаго Завѣта, касается нравственности патріарховъ и различія между Закономъ и Евангеліемъ въ нравственномъ ученіи. Слѣдуя манихеямъ, онъ любилъ порицать патріарховъ и пророковъ и издѣваться надъ ними ³⁾. Но церковь почитала ветхозавѣтныхъ праведниковъ, и это казалось Августину нетерпимымъ заблужденіемъ ⁴⁾. Различіе Ветхаго и Новаго Завѣтовъ со стороны моральнаго содержанія представлялось ему несоотвѣтствующимъ христіанскому понятію о Богѣ, которое составляло неизмѣнную черту его религіозныхъ вѣрованій. Онъ всегда былъ убѣжденъ въ неизмѣняемости Бога. Но какъ же неизмѣняемый Богъ могъ въ одно время требовать того, что запрещаетъ въ другое ⁵⁾?

¹⁾ Confes. III, 12. Рус. п. I, 55—56. Ibid. V, 19 Рус. п. I, 116—117.

²⁾ Ibid. VI, 4. Рус. п. I, 130.

³⁾ Ibid. III, 18. Рус. п. I, 62.

⁴⁾ Ibid. III, 12. Рус. п. I, 56.

⁵⁾ Ibid. III, 13—18. Рус. п. I, 56—63.

Ничто въ такой степени не способствуетъ освобожденію отъ юношескихъ заблужденій, какъ пораженіе въ спорахъ, обыкновенно освѣщающихъ предметъ съ новыхъ и неожиданныхъ сторонъ и выдвигающихъ непредвидѣнныя основанія въ пользу отвергаемаго положенія. Наоборотъ, ничто съ такой силой не укореняетъ ихъ, какъ постоянный успѣхъ въ словесныхъ состязаніяхъ. Августинъ всегда любилъ поговорить съ друзьями о томъ, что его занимало. Увлеченный манихейской критикой Ветхаго Завѣта, онъ сталъ смотрѣть на нее какъ на разоблаченіе, противъ котораго ничего не въ силахъ возразить члены каѳолической церкви, и своими нападками старался поставить ихъ въ затруднительное положеніе. Въ возникавшихъ по этому поводу спорахъ молодой риторъ, отъ природы талантливый и научившійся въ школѣ убѣдительно говорить, одерживалъ блистательныя побѣды надъ собесѣдниками, мало освѣдомленными въ Писаніи и его толкованіи. Этого было достаточно, чтобы онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ правильности своихъ взглядовъ и непреоборимости манихейскихъ нападковъ на Ветхій Завѣтъ ¹⁾. Однако эти дешевыя побѣды онъ приписывалъ не своимъ способностямъ и начитанности, не слабости противниковъ, а исключительно манихеямъ; онъ относилъ на ихъ счетъ то, что произошло послѣ знакомства съ ними ²⁾. Рѣчи манихеевъ возбуждали его къ спорамъ, а успѣхъ въ спорахъ питалъ довѣріе и любовь къ манихеямъ ³⁾. Отсюда рождалась опасная предзанятость въ ихъ пользу. По мѣткому выраженію бл. Августина, во всемъ, что говорили манихеи, онъ былъ расположенъ видѣть истину не потому, чтобы убѣждался въ этомъ разумными доводами, а потому, что желалъ, чтобы это было истиной ⁴⁾. Такимъ образомъ, кажущаяся сила критики манихеевъ предрасполагала Августина и въ пользу положительной стороны ихъ ученія, которую въ логическомъ отношеніи онъ самъ признавалъ слабой. Какъ увидимъ ниже, онъ старался осмыслить и сдѣлать ее для себя пріемлемой. Нѣкоторыя особенности его умственного

1) De Utilit. cred. 2.

2) De duab. anim. 11.

3) Ibid. 11.

4) Ibid. 11.

склада и нѣкоторыя личныя переживанія создавали для этого благоприятную почву.

По существу система манихеевъ представляет собою космогоническую поэму, сотканную изъ восточныхъ религіозныхъ мнѳовъ. Она ставила для себя задачей выяснить начало, средину и конецъ міра ¹⁾. Во всемъ своемъ цѣломъ она отвѣчала на вопросъ, откуда зло и какъ оно произошло, разрѣшая эту проблему чисто дуалистически.

Система манихеевъ построена на самыхъ примитивныхъ и первобытныхъ воззрѣніяхъ на природу и въ своихъ подробностяхъ можетъ быть понятна только чрезъ ихъ сопоставленіе съ различными мифологическими сказаніями восточныхъ религій. Намъ предстоитъ теперь выяснить, въ какой мѣрѣ и по какимъ основаніямъ ею удовлетворялся въ теченіе девяти лѣтъ бл. Августинъ, человѣкъ такого великаго ума и проницательности, дышавшій при томъ же атмосферой, которая была насыщена философскими идеями и научными понятіями.

Манихейскій олимпъ былъ чрезвычайно многочисленъ. На ряду съ высшими ипостасями въ системѣ манихеевъ стоятъ легіоны боговъ и ангелоподобныхъ существъ, составляющихъ ихъ свиту. Нѣтъ никакихъ основаній допускать, чтобы Августинъ раздѣлялъ политеистическія вѣрованія манихеевъ. Это стояло бы въ рѣзкомъ противорѣчій съ его отвращеніемъ къ язычеству, уже отмѣченномъ нами. Кромѣ того, онъ, такъ жестоко бичующій себя въ Исповѣди за всякое заблужденіе и за малѣйшій грѣхъ юности, нигдѣ не упрекаетъ себя въ измѣнѣ христіанскому монотеизму, хотя въ своихъ сочиненіяхъ противъ манихеевъ неоднократно отмѣчаетъ политеистическій характеръ ихъ вѣрованій ²⁾. Очевидно, его привлекали не подробности системы, а ея основная идея, ея дуализмъ, который онъ при томъ же понималъ гораздо отвлеченнѣе, чѣмъ манихейство строгое, не успѣвшее приспособиться къ западнымъ понятіямъ. Этому способствовало то обстоятельство, что сами манихеи на западѣ стремились облечь мифологию

¹⁾ De actis. cum Felic. I, 9.

²⁾ Contra Adimant. XI. Contra Faust. XX, 9.

въ философскую одежду и отождествляли зло съ матеріей, сообщая этимъ своему ученію болѣе абстрактный характеръ. Но отрѣшаясь отъ политеистическихъ элементовъ системы, Августинъ вслѣдствіе необыкновенной конкретности своего мышленія вполне раздѣлялъ матеріалистическія представленія манихеевъ о субстанціи Бога, какъ свѣтъ, и о злѣ какъ матеріи.

Умственное развитіе единицъ и цѣлыхъ народовъ идетъ отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ воображенія къ мышленію. Для обозначенія самыхъ абстрактныхъ понятій мы не располагаемъ словами, которыя по своему корню или первоначальному значенію не имѣли бы отношенія къ вещамъ и дѣйствіямъ, доступнымъ чувству, видимымъ, осязаемымъ. Состояніе мысли той эпохи, къ которой относится жизнь бл. Августина, отличается большей массивностью, чѣмъ мышленіе нашего времени. Древняя философія съ трудомъ вырабатывала понятіе духа, какъ полной противоположности самой разрѣженной и тонкой матеріи. Но и послѣ того, какъ эта задача была ею разрѣшена, общество медленно и съ большимъ усиліемъ проникалось новымъ приобрѣтеніемъ мыслителей. Отсюда та удивительная настойчивость, съ какой платоническая философія предостерегала противъ вторженія чувственныхъ образовъ въ область отвлеченнаго мышленія и ея подчеркнутый гносеологическій дуализмъ. Подъ вліяніемъ этой тенденціи люди той эпохи отождествляли слово и обозначаемую имъ вещь, символъ и реальность, на которую онъ указываетъ, матеріализовали всѣ понятія. Яркимъ примѣромъ служить гностицизмъ, религія образованныхъ, съ его олицетвореніемъ понятій. Фантазія настолько преобладала надъ логикой, что многіе готовы были видѣть матеріальныя субстанціи въ чисто отрицательныхъ понятіяхъ ничто и тьмы ¹⁾. Августинъ въ своей юности былъ выра-

¹⁾ In Joan Ev. Tr. I, 13. Бл. Августинъ часто возвращается къ вопросу о природѣ тьмы и считаетъ необходимымъ доказывать, что мракъ есть только отсутствіе свѣта. Contra epist. Fundam. 33. De Genesi contr. manichaeos I, 7. Confes. XII, 3. Рус. п. I, 371—372. Тьму признавалъ субстанціей даже Феодоръ Мопсуестскій, и Іоаннъ Филопонъ ведетъ съ нимъ по этому вопросу полемику. См. Joan. Philoponus. De opific. mundi, L. II, с. 15. Edit. G. Reichardt. Lipsiae 1896. P. 84. Такимъ образомъ, если въ IX в. Фредегизъ въ своемъ сочиненіи De nihilo et tenebris (Migne, P

зителемъ той же тенденціи мысли. Онъ всецѣло находился во власти своего воображенія и проявлялъ удивительную неспособность къ отвлеченному мышленію. Въ анализѣ элементовъ сознанія онъ не шелъ дальше конкретныхъ образовъ и созданій фантазіи, т. е. произвольной комбинаціи и видоизмѣненія тѣхъ же образовъ ¹⁾. Онъ не умѣлъ отличить воображенія отъ мышленія, представленія отъ понятія, психическій образъ вещи отъ самой вещи, мышленія отъ его руководящихъ принциповъ. Вслѣдствіе этого въ его внутреннемъ опытѣ не было аналогій, пользуясь которыми онъ могъ бы выяснитъ для себя понятіе духа. Отсюда же матеріализмъ, которымъ была насквозь проникнута его мысль. Онъ не могъ представить ничего нематеріальнаго, непротяженного и не имѣлъ даже отдаленнаго понятія о духѣ, его природѣ и отличіи отъ тѣла ²⁾. Субстанціальнымъ, дѣйствительно существующимъ для него было только видимое и осязаемое ³⁾. Наоборотъ, все непротяженное и непространственное казалось ему вовсе несуществующимъ ⁴⁾, даже не пустотой, подобной математическому пространству, а совершеннымъ небытіемъ, величиной, исчезающей для мысли ⁵⁾. Въ силу этого онъ не могъ представить себѣ безтѣлесности собственнаго сознанія и непротяженности мысли. Онъ не видѣлъ, что сила, творящая внутренніе образы тѣлъ, находящихся внѣ насъ, сама вовсе не похожа ни на тѣла, ни на ихъ образы ⁶⁾. Самый умъ представлялся ему тонкой матеріей, разливающейся въ пространствѣ и занимающей въ немъ опредѣленное положеніе ⁷⁾. Съ замѣчательною тонкостью наблюденія описываетъ Августинъ свои безплодныя попытки реализовать въ сознаніи понятіе безформенной матеріи. Самая постановка вопроса указывала на то, что для этого необходимо мысленно устранить всѣ формы, но онъ пытался

lat. T. CV, p. 751—756) защищалъ субстанціальность ничто и египетской тѣмы, то былъ продолжателемъ давней традиціи.

¹⁾ Confes. III, 12. Рус. п. I, 56. Ibid. VII, 2. Рус. п. I, 160.

²⁾ Confes. VI, 4. Рус. п. I, 130.

³⁾ Ibid. VII, 1. Рус. п. I, 159. Ibid. VII, 2. Рус. п. I, 160.

⁴⁾ Ibid. VII, 2. Рус. п. I, 160.

⁵⁾ Ibid. VII, 1. Рус. п. I, 160.

⁶⁾ Ibid. VII, 2. Рус. п. I, 160.

⁷⁾ Ibid. V, 20. Рус. п. I, 117.

достигнуть этого не посредствомъ мышленія, а при помощи воображенія, хотѣлъ получить не отвлеченную идею нѣкоторой основы для измѣняющихся формъ, а картину матеріи, чуждой всякихъ образовъ. Но нельзя преодолѣть воображеніе воображеніемъ, поэтому, естественно, его фантазія лишь измѣняла обычныя формы вещей и превращала ихъ въ образы страшные и отвратительные. Такъ вмѣсто понятія безобразной матеріи онъ всякій разъ получалъ лишь фантазму безобразной матеріи. Послѣ этихъ многочисленныхъ и безуспѣшныхъ попытокъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что для него легче мыслить матерію вовсе несуществующей, чѣмъ безформенной ¹⁾. Таково было состояніе мысли будущаго психолога, съ поразительной остротой разбиравшагося впоследствии въ тончайшихъ движеніяхъ души. Не трудно видѣть, что при подобной навязчивости воображенія онъ не могъ найти въ своемъ внутреннемъ мірѣ никакой точки опоры для чисто духовнаго понятія о Богѣ. Это и создавало психологическую почву, вполне благоприятную для усвоенія манихейскаго ученія о природѣ Бога. Подъ вліяніемъ идеи безпредѣльности Бога, Августинъ еще прежде отбросилъ всѣ челоукообразныя представленія о Божествѣ, какъ недостойныя Его величія, но возвыситься до идеи Его нематеріальности и непротяженности онъ не имѣлъ силъ ²⁾. Вездѣприсутствіе Бога онъ понималъ въ смыслѣ безконечнаго протяженія Его субстанціи, а эту субстанцію, какъ и манихеи, онъ представлялъ себѣ въ видѣ свѣтовой матеріи, заполняющей огромное пространство ³⁾. Отсюда понятіе о Сынѣ Божіемъ и Его происхожденіи отъ Отца отлилось въ его сознаніи въ подобную же матеріалистическую форму. Это—вещественная эманация чистѣйшей и лучезарнѣйшей субстанціи Божества, исходящая изъ Него для нашего спасенія ⁴⁾.

Такимъ же матеріалистическимъ характеромъ отличалось и понятіе Августина о злѣ. Подобно манихеямъ, онъ считалъ всякое зло субстанціальнымъ. Все вредное, безобразное,

¹⁾ Ibid. XII, 6. Рус. п. I, 374.

²⁾ Ibid. V, 19. Рус. п. I, 116—117.

³⁾ Ibid. IV, 31. Рус. п. I, 95.

⁴⁾ Ibid. V, 20. Рус. п. I, 118.

разрушительное. напр., скорпионъ или змѣя, было для него зломъ. А зло первичное онъ рисовалъ въ своемъ воображеніи въ видѣ мрачной и безобразной массы, состоящей съ одной стороны изъ элементовъ грубыхъ, съ другой проникнутой психическимъ началомъ, по природѣ своей также матеріальнымъ, но тонкимъ и подобнымъ воздуху ¹⁾).

Итакъ, изъ манихейской системы Августинъ прежде всего удерживаетъ матеріалистическое представленіе о Богѣ и о злѣ.

Вопросъ о происхожденіи зла всегда волновалъ человѣческую мысль, а особенно въ первые вѣка христіанства. Чѣмъ выше было понятіе о Богѣ, Существѣ, чуждомъ всякихъ недостатковъ и ограниченій, тѣмъ острѣе сознавалась потребность разрѣшить проблему зла такимъ образомъ, чтобы это рѣшеніе не набрасывало никакой тѣни на Бога. Манихеи давали очень простой и наглядный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи зла своей дуалистической теоріей, и эта простота очень подкупала въ ихъ пользу умы неглубокіе или не успѣвшіе углубиться въ изслѣдованіе религіозныхъ и философскихъ понятій. Въ сознаніи преимуществъ этой теоріи, они начинали свою пропаганду назойливыми требованіями объяснить имъ, откуда зло. Августинъ не менѣе другихъ содрагался предъ фактомъ господствующаго въ мірѣ зла и чувствовалъ свое безсиліе объяснить его ²⁾. Теодицея манихеевъ казалась ему единственнымъ возможнымъ выходомъ, и онъ принялъ ее, хотя не безъ оговорокъ. Ученіе манихеевъ о злѣ и грѣхѣ располагало къ себѣ Августина прежде всего потому, что давало ему призракъ нравственнаго усвоенія. Онъ не переставалъ ощущать чувственность и тщеславіе какъ грѣхъ, но не имѣлъ силы побороть эти страсти. Его совѣсть никогда не оставалась спокойной. Манихейская теодицея и обрядность давали пищу софистикѣ страстей и приносили ему нѣкоторое облегченіе. Въ моментъ нравственной борьбы онъ чувствовалъ въ себѣ неизмѣнно присутствіе высшаго начала, образующаго личность и услаждающагося при созерцаніи идеаловъ добра, но въ то же время ему постоянно заявляло о своемъ присутствіи другое

¹⁾ Ibid. V, 20. Рус. п. I, 117.

²⁾ De lib. abr. I, 4. Confes. III, 12. Рус. п. I, 55—56. De agon. christ. 4.

начало, которое представлялось ему чѣмъ то чуждымъ его настоящей личности, но съ стихійной силой обладающимъ ею. Онъ не понималъ еще, что это одна и та же душа, раздираемая противоположными побужденіями, и вмѣстѣ съ манихеями готовъ былъ признать, что въ его тѣлѣ живутъ двѣ, постоянно борющіяся души — добрая и злая. Когда въ немъ раздавался обличающій голосъ совѣсти, онъ искалъ успокоенія въ мысли, что грѣхъ совершенъ не имъ, а кѣмъ то постороннимъ, находящимся однако въ немъ самомъ. А эта идея вмѣстѣ съ чувствомъ отвѣтственности ослабляла и покаянный порывъ — необходимое условіе нравственнаго возрожденія ¹⁾. Но съ этой успокоительной для совѣсти теоріей двойственности души была связана еще обрядность, общавшая легкій способъ нравственнаго очищенія. Для этого нужно было приносить избраннымъ или святымъ растительную пищу, добывать которую лично имъ запрещала религія. Манихеи увѣряли, что частицы свѣта, заключенныя въ плодахъ, которыми питаются избранные, очищаются въ ихъ тѣлѣ отъ примѣси матеріи и вмѣстѣ съ молитвами и вздохами святыхъ восходятъ на небо, становясь ангелами и богами. Онъ то и оказываютъ потомъ покровительство тѣмъ, кому были обязаны своимъ освобожденіемъ. Августинъ вѣрилъ и въ одушевленность растений ²⁾, и въ искупительную роль избранныхъ и въ дѣйствительность этого средства очищенія отъ грѣховъ ³⁾.

Самый дуализмъ манихейской теоріи вызывалъ къ себѣ въ Августинѣ двойственное отношеніе, потому что отчасти соотвѣтствовалъ, отчасти противорѣчилъ его понятію о Богѣ какъ существѣ свободномъ отъ всякихъ ограниченій и недостатковъ. Изъ этого понятія вытекало, что Богъ не можетъ быть виновникомъ зла, но вся манихейская система была направлена къ доказательству именно этого положенія и потому не могла не располагать къ себѣ благочестиваго чувства Августина. Съ другой стороны ученіе о двухъ царствахъ, существующихъ одно подлѣ другого, противорѣчило идеѣ пространственной безпредѣльности Бога, выше которой

¹⁾ Confes. V, 18. Рус. п. I, 115.

²⁾ Ibid. III, 18. Рус. п. I, 62.

³⁾ Ibid. IV, 1; III, 18. Рус. п. I, 68, 62—63.

въ то время Августинъ еще не могъ подняться, хотя и въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ отвергнутый уже имъ антропоморфизмъ. Въ христіанской литературѣ эта идея давно уже была противопоставлена дуализму. Если Богъ есть полнота всего, возражаетъ св. Ириней противъ гностиковъ и Маркіона, то на ряду съ Нимъ не можетъ существовать никакого иного Бога или начала, потому что въ этомъ случаѣ ни тотъ, ни другой Богъ не былъ бы полнотой всего, т. е. Богомъ въ истинномъ смыслѣ, ибо царство одного Бога простиралось бы лишь до границъ другого и обратно. Августинъ не былъ знакомъ съ противогностической полемикой, но ему было внушено такое же понятіе о Богѣ и въ этомъ дана была посылка, изъ которой ему не трудно было сдѣлать выводъ, аналогичный только что изложенному. Такимъ образомъ, дуалистическая теодицея манихеевъ съ одной стороны привлекала его, съ другой отталкивала. Считая многое въ природѣ дурнымъ, онъ не рѣшался изъ благоговѣйнаго чувства къ Богу признать Его создателемъ этихъ тварей и, не имѣя другого объясненія для ихъ возникновенія, готовъ былъ принять манихейскую теорію ¹⁾. Но онъ ясно сознавалъ, что она противорѣчитъ идеѣ неограниченности Бога. Предъ нимъ вставала дилемма: или признать Бога безпредѣльнымъ, но виновникомъ зла, или допустить Его пространственную ограниченность, но снять съ Него всякую отвѣтственность въ происхожденіи зла. Иного выхода и другихъ возможностей онъ тогда не видѣлъ и при наличности лишь этихъ данныхъ сдѣлалъ совершенно правильный выводъ, избравъ первую часть дилеммы и принявъ манихейскую теодицею, за неимѣніемъ лучшей. Ему казалось, что благочестивѣе признать бытіе злого начала, отчасти пространственно ограничивающаго Бога, чѣмъ допустить, что благой и всесовершенный Богъ есть причина зла, распространеннаго въ мірѣ. Онъ старался лишь въ возможной степени устранить недостатокъ манихейской теоріи и уменьшить получавшееся ограниченіе Бога, представляя себѣ царство свѣта болѣе обширнымъ, чѣмъ царство тьмы ²⁾. При этомъ, плохо понимая церковное ученіе, онъ полагалъ,

¹⁾ Ibid. VII. 20. Рус. п. I, 184.

²⁾ Ibid. V, 20. Рус. п. I, 117.

что допуская подобный компромиссъ, стоитъ все же ближе къ истинѣ, чѣмъ церковь, которая своимъ, какъ ему казалось, антропоморфизмомъ и ученіемъ о воплощеніи ограничиваетъ Бога еще больше, заключая Его въ тѣсныя границы человѣческаго тѣла ¹⁾).

Матеріалистическое представленіе о злѣ и о божественной субстанціи располагало Августина къ тому, чтобы съ полнымъ сочувствіемъ отнестись къ докетизму манихейской системы. Если зло субстанціально по своей природѣ и является не чѣмъ инымъ, какъ матеріей, то физическое соприкосновеніе съ ней духа, понимаемаго также въ смыслѣ разрѣженной и лучезарной матеріи, равносильно для него оскверненію. Допустивъ, что субстанція Сына Божія подобна тонкой свѣтовой матеріи, воплощеніе можно представить себѣ лишь въ видѣ смѣшенія двухъ противоположныхъ тѣлъ, нейтрализующаго свойства того и другого и наносящаго извѣстный ущербъ веществу болѣе чистому. Отсюда благочестивыя чувства въ отношеніи къ Искупителю не позволяли Августину признать дѣйствительность воплощенія Его Божественной природы ²⁾). Другое основаніе, оправдывавшее въ его глазахъ докетизмъ, вытекало изъ представленія о протяженности божественной природы. Ему казалось, что признаніе воплощенія равносильно ограниченію Божества и при томъ самыми тѣсными предѣлами—очертаніями человѣческаго тѣла ³⁾). Въ этомъ отношеніи онъ склоненъ былъ отдать преимущество манихейству: оно тоже ограничивало царство свѣтлага Бога, но лишь съ одной стороны, между тѣмъ какъ церковь, проповѣдуя дѣйствительность воплощенія, думалось ему, ограничиваетъ субстанцію Сына Божія со всѣхъ сторонъ ⁴⁾). Мнѣніе, менѣе ограничивающее Бога, на его взглядъ было болѣе благочестивымъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ слу-

¹⁾ Ibid. V, 20. Рус. п. I, 117.

²⁾ Ibid. V, 20. Рус. п. I, 118.

³⁾ Подобное недоразумѣніе, повидимому, было довольно широко распространено среди христіанъ, незначитанныхъ въ церковной литературѣ. По крайней мѣрѣ Оригенъ очень настойчиво предостерегаетъ отъ такого неправильнаго пониманія догмата воплощенія. *Contr. Cels.* I, 9. Ed. *P. Koetschau* (GCS) Leipzig 1899. B. I, S. 136 De Princip. IV, 30. Ed. *Koetschau* (GCS), Leipzig 1913. B. V, S. 352.

⁴⁾ Ibid. V, 20. Рус. п. I, 117—118.

чаѣ онъ останавливался на манихействѣ, лишь за немѣ-
ніемъ лучшаго.

Не малую роль въ увлеченіи Августина манихействомъ сыгралъ аскетизмъ избранныхъ. Система Манеса общала познаніе вещей божественныхъ и требовала полного отреченія отъ эпикурейскаго образа жизни и благъ плоти. Въ этомъ отношеніи она совпадала съ содержаніемъ Гортензія и вполне соотвѣтствовала программѣ, которую подъ вліяніемъ этого діалога начерталъ для себя Августинъ. Онъ осудилъ уже жизнь, растрчиваемую въ погонѣ за карьерой и чувственными удовольствіями, какъ недостойную высокаго призванія человѣка. Аскетизмъ манихеевъ долженъ былъ внушать ему уваженіе къ этимъ людямъ, нашедшимъ въ себѣ силы оторваться отъ прельщеній міра, еще настолько обаятельныхъ для него самого. И дѣйствительно, Августинъ указывалъ въ послѣдствіи какъ на одну изъ самыхъ главныхъ причинъ привлекательности манихейства, на строгость требованій, предъявляемыхъ избраннымъ и ихъ показное воздержаніе. По силѣ вліянія онъ сопоставляетъ аскетизмъ манихеевъ съ критикой Ветхаго Завета, которая казалась ему особенно опасной ¹⁾. Тѣмъ не менѣе самъ онъ не пошелъ далѣе слушающаго, потому что еще не рѣшался порвать съ міромъ и оправдывалъ свою медлительность необходимостью предварительно убѣдиться въ основательности теоретическаго ученія манихеевъ ²⁾.

Таковы частности. Главная же причина увлеченія Августина манихействомъ состояла въ недостаткѣ общаго и христіанскаго образованія. Онъ сошелся съ манихеями, когда былъ еще очень молодъ и ничего не зналъ, кромѣ своихъ учебниковъ и образцовыхъ произведеній классической литературы, которыя комментировались въ школахъ. Онъ не былъ еще въ достаточной мѣрѣ освѣдомленъ въ свободныхъ наукахъ, не читалъ философовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ произведеній Цицерона. Священное Писаніе было ему почти совершенно неизвѣстно, если не считать отрывковъ изъ книги Бытія. Слѣдовательно, онъ не имѣлъ данныхъ для того, чтобы лично убѣдиться въ несостоятельности уч-

¹⁾ De morib. manich. I, 2.

²⁾ De utilit. cred. 2.

нія манихеевъ о противоположности двухъ завѣтовъ. Манихеи тщательно собирали антитезы между Закономъ и Евангеліемъ, и это не представляло большихъ затрудненій, но между пророками и Евангеліемъ нѣтъ уже той разницы. Можно было бы указать почти такія же антитезы между Закономъ и пророками, какъ и наоборотъ, не трудно было бы установить разительныя параллели между изреченіями пророковъ и Евангеліемъ. Но для этого необходимы были глубокія познанія въ Писаніи, которыми въ то время Августинъ не обладалъ. Съ христіанской литературой онъ также былъ совершенно незнакомъ. Отсюда его полное невѣдѣніе относительно смысла церковнаго ученія, его незнаніе методовъ толкованія Ветхаго Завѣта, его неосвѣдомленность въ критикѣ дуализма, которую онъ могъ найти въ сочиненіяхъ св. Иринея и Тертулліана. Только недостаткомъ образованія можно объяснить тотъ фактъ, что Августинъ въ теченіе девяти лѣтъ исповѣдывалъ манихейство, при всякомъ удобномъ случаѣ съ чисто юношескимъ задоромъ позволялъ себѣ нападки на церковь и ея ученіе, съ увлеченіемъ защищалъ ересь и вербовалъ для нея новыхъ адептовъ изъ среды своихъ друзей ¹⁾. Но по мѣрѣ расширенія его образованія, цѣпи, оковывавшія его умъ, сами собою постепенно спадали. Исторію этого освобожденія мы и попытаемся теперь прослѣдить.

Вѣра въ высокія достоинства манихейской доктрины расшатывалась въ Августинѣ постепенно, можетъ быть, со дня его обращенія къ ней. Одно изъ первыхъ сомнѣній Августина стояло въ связи съ его христіанскимъ понятіемъ о Богѣ, какъ Существѣ неограниченномъ, нетлѣнномъ, неизмѣняемомъ, чуждомъ всякихъ несовершенствъ и недостатковъ. Этому понятію противорѣчило прежде всего манихейское ученіе о пространственномъ ограниченіи царства свѣта областью тьмы. Августинъ съ самаго начала видѣлъ это, но мирился съ дуализмомъ по соображеніямъ, которыя уже были выяснены. Позднѣе онъ понялъ, что несоотвѣтствіе между манихействомъ и христіанскимъ понятіемъ о Богѣ гораздо глубже, такъ какъ космогонія Манеса исключаетъ идею не-

¹⁾ De util. cred. 2. Confes. III, 21; IV, 1. 7. Рус. п. I. 65, 67, 73—74. De morib. I, 34, II, 68. Contr. ep. Fund. 11.

тлѣнности, всемогущества и всесовершенства Бога. По ученію манихеевъ, зло нападаетъ на царство свѣта и вынуждаетъ свѣтлаго Бога защищать свои границы. Его посланникъ, единосушный Ему по природѣ, попадаетъ въ плѣнь къ темнымъ силамъ, отъ которыхъ едва спасается. Частицы свѣта, также единосушныя Божеству, остаются связанными и оскверненными, теряютъ часть своихъ природныхъ совершенствъ, и нѣкоторыя изъ нихъ осуждены на вѣки томиться въ узахъ плоти. Все это стоитъ въ явномъ противорѣчій съ идеей Бога, какъ Существа всемогущаго, неизмѣняемаго, недоступнаго тлѣннѣю и переменѣнъ къ худшему. Первоначально Августинъ этого противорѣчія не замѣчалъ, какъ и сами манихеи. Но на эту не сообразность обратилъ его вниманіе еще въ Карѳагенѣ трезвый и вдумчивый Небридій. По мнѣнію послѣдняго, борьба между свѣтлымъ и темнымъ началами, картинно изображаемая манихеями, является недостаточно мотивированной. Нападеніе злого начала на царство свѣта или могло причинить ему извѣстный ущербъ, или не могло. Признаніе перваго члена дилеммы было бы равносильно отрицанію нетлѣнности и неизмѣняемости Божества. Но неизмѣняемость Бога въ глазахъ Августина имѣла аксіоматическое значеніе, и открытое отрицаніе ея было бы для него достаточнымъ опроверженіемъ манихейства. Наоборотъ, признаніе втораго члена раздѣленія дѣлало совершенно непонятнымъ, для чего Богъ принялъ вызовъ и вступилъ въ борьбу съ царствомъ тьмы, для чего онъ допустилъ, чтобы часть Его неизмѣняемой субстанціи, смѣшавшись съ стихіями противнаго начала, измѣнилась къ худшему, утратила свойственное ей блаженство и стала нуждаться въ помощи для своего освобожденія отъ оковъ, наложенныхъ на нее темными силами ¹⁾. Аргументъ Небридія поразилъ всѣхъ членовъ дружескаго кружка, группировавшагося около Августина, и дилемма, поставленная имъ, показалась безвыходной для манихеевъ. По этому вопросу велись оживленныя бесѣды въ Карѳагенѣ. Одинъ изъ защитниковъ манихейства попытался найти выходъ изъ затрудненія въ утвержденіи, что темныя силы не могли принудить Бога вступить въ борьбу съ ними, и что Богъ не по необходимости, а по

¹⁾ Confes. VII, 3. Рус. п. I, 161—162.

благости удѣлили часть своей субстанціи злему началу, желая дать ему успокоеніе и порядокъ. Но такое истолкованіе манихейства нисколько не удовлетворило Августина. Прежде всего оно не согласовалось съ совершенно ясными словами Манеса, по смыслу которыхъ Богъ вступилъ въ борьбу съ темными силами для того, чтобы предохранить предѣлы своего царства отъ ихъ вторженія. Но даже, признавъ предлагаемую поправку за подлинное манихейство, Августинъ не могъ успокоиться на ней, потому что она не въ меньшей степени расходилась съ его понятіемъ о Богѣ и казалась не менѣ оскорбительной для Высочайшаго Существа. Она вела къ признанію Бога или жестокимъ или слабымъ. Его благость по отношенію къ злымъ силамъ была бы жестокостью по отношенію къ собственной субстанціи, осужденной на горькія испытанія въ узахъ матеріи. Его слабость выразилась бы въ томъ, что Онъ былъ не въ силахъ внести порядокъ въ царство тьмы инымъ, болѣе достойнымъ Его способомъ ¹⁾. Самъ Августинъ много размышлялъ, стараясь примирить манихейскую космогонію съ христіанскимъ понятіемъ о Богѣ, но не имѣлъ въ этомъ успѣха ²⁾. Впослѣдствіи въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ манихеевъ, Августинъ удѣлялъ очень много мѣста и далъ очень подробное развитіе аргументу Небридія.

Другой пунктъ, поколебавшій въ Августинѣ довѣріе къ манихейству, касается его ученія отъ отношеніи двухъ завѣтовъ. Взглядъ Августина на Ветхій Завѣтъ и его религіозную цѣнность не потерпѣлъ еще никакихъ измѣненій ³⁾. Но идея непримиримаго противорѣчія между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами утратила для него свою очевидность и неоспоримость. Этимъ онъ былъ обязанъ нѣкому Елпидію, который велъ въ Карфагенѣ публичныя собесѣдованія съ манихеями и ставилъ ихъ въ большое затрудненіе, отмѣчая фактъ совпаденія Ветхаго и Новаго Завѣта во многихъ частностяхъ и обращая вниманіе на цитаты изъ Ветхаго Завѣта, встрѣчающіяся въ Евангеліи и апостольскихъ посланіяхъ. То и другое категорически опровергало ученіе о

¹⁾ De morib. II, 25.

²⁾ Contr. Fortunat. 37. De morib. II, 25.

³⁾ Confes. V, 21. Рус. п. I, 118.

демоническомъ происхожденіи ветхозавѣтныхъ Писаній и о полной противоположности Завѣтовъ. Манихеи не могли ничего противопоставить этимъ доводамъ кромѣ гипотезы интерполяцій, будто бы сдѣланныхъ въ Новомъ Завѣтѣ рукою іудействующихъ христіанъ съ цѣлю освятить авторитетомъ Евангелія нѣкоторыя положенія Ветхаго Завѣта. Однако это возраженіе не удовлетворило Августина. Ему внушало большія подозрѣнія уже то обстоятельство, что вожди манихейства видимо остерегались выступать съ гипотезой интерполяцій въ публичныхъ собраніяхъ, а развивали ее лишь въ интимныхъ бесѣдахъ съ слушателями. Но и по самому существу она казалась Августину недоказанной и невѣроятной, потому что не имѣла опоры въ рукописяхъ: манихеи не могли представить ни одного неповрежденнаго кодекса ¹⁾. Кружокъ Августина состоялъ изъ людей интеллигентныхъ, которыхъ трудно было ввести въ заблужденіе голословными заявленіями ²⁾.

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, у самого Августина зарождается теперь мысль тщательно пересмотрѣть подъ руководствомъ лица, хорошо знающаго Св. Писаніе, всю библейскую аргументацію манихеевъ ³⁾. Впослѣдствіи, въ своей полемикѣ съ манихеями, Августинъ широко использовалъ аргументъ Елпидія, давъ ему названія доказательства по аналогіи. Сущность его состоитъ въ указаніи сходства по содержанію между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами. Иногда вліяніе этого аргумента чувствуется даже въ сочиненіяхъ, не преслѣдующихъ непосредственно цѣлей полемики, хотя косвенно имѣющихъ въ виду манихейство. Таковы комментаріи бл. Августина на нагорную проповѣдь, въ которыхъ онъ всячески старается сгладить различіе между Закономъ и Евангеліемъ.

Близость къ манихеямъ въ Карфагенѣ позволила Августину познакомиться съ ихъ нравами и убѣдиться, что никто изъ нихъ не исполняетъ суровыхъ требованій своего пророка. Въ теченіе девяти лѣтъ ему не удалось встрѣтить ни одного избраннаго, который не былъ бы уличенъ или, по

1) Confes. V, 21. Рус. п. I, 118—119. De util. cred. 7.

2) Ibid. 7.

3) Confes. V, 21. Рус. п. I, 118.

крайней мѣрѣ, заподозрѣнъ въ нарушеніи обязательныхъ для него предписаній Манеса ¹⁾. Скандальная хроника секты была у всѣхъ на устахъ. Августинъ не придавалъ большого значенія слухамъ. Но въ ихъ основательности онъ неоднократно имѣлъ случаи убѣдиться лично. Такъ очень часто онъ встрѣчалъ избранныхъ, убѣжденныхъ сѣдинами и пользовавшихся уваженіемъ въ сопровожденіи престарѣлаго пресвитера секты въ театрѣ ²⁾. Вмеѣстѣ съ друзьями, такъ же принадлежавшими къ числу слушающихъ, онъ видѣлъ однажды, какъ нѣсколько избранныхъ, не стѣсняясь присутствіемъ другъ друга, по выходѣ изъ молитвеннаго дома преслѣдовали на площади женщинъ и позволяли себѣ самыя непристойныя тѣлодвиженія. Возмущенные этимъ, искренніе катехумены принесли жалобу на этихъ безстыдныхъ людей своимъ духовнымъ властямъ. Въ другой разъ они обратились съ жалобой къ вождямъ секты на избранныхъ, которые, погасивъ свѣтильникъ въ богослужебномъ собраніи, оскорбили одну изъ присутствовавшихъ здѣсь женщинъ. Въ томъ и другомъ случаѣ жалобы не имѣли никакихъ послѣдствій. Ихъ отклонили подъ тѣмъ предлогомъ, что виновные, въ случаѣ ихъ наказанія, изъ мести могутъ выдать членовъ запрещенной секты полиціи ³⁾. Эти впечатлѣнія, до крайности волновавшія и удручавшія ⁴⁾ Августина, мало-по-малу охлаждали его увлеченіе манихействомъ.

Но главный ударъ его вѣрѣ былъ нанесенъ естественными науками, съ которыми онъ познакомился въ Карфагенѣ. Онъ убѣдили его въ полной фантастичности астральныхъ миссовъ манихеевъ. Въ этомъ отношеніи для него оказалось благотѣльнымъ увлеченіе астрологіей. Довѣріе къ астрологіи Августину внушали случаи ея удачныхъ предсказаній, которыя онъ не умѣлъ объяснить ⁵⁾. Затѣмъ ему былъ симпатиченъ фатализмъ „математиковъ“, усыплявшій чувство отвѣтственности съ такимъ же успѣхомъ, какъ и манихейское

¹⁾ De morib. II, 68.

²⁾ De morib. II, 72.

³⁾ Ibid. II, 68—69.

⁴⁾ Ibid. II, 68. Ibid. II, 71.

⁵⁾ Confes. IV, 6. Рус. п. 72—73.

ученіе о присутствіи въ душѣ злого начала, влекущаго человѣка ко грѣху помимо его воли¹⁾. Интересъ къ астрологіи имѣлъ то значеніе въ общемъ ходѣ развитія Августина, что далъ ему поводъ познакомиться съ астрономіей, необходимой для опредѣленія констелляцій и составленія гороскоповъ. Астрономія стояла въ то время довольно высоко и, хотя исходила лишь изъ видимаго движенія неба, однако очень удовлетворительно объясняла цѣлый рядъ явленій природы, которыя ранѣе были совершенно непонятны Августину. Познакомившись съ астрономіей, онъ понялъ причины возрастанія и убыванія луны, смѣны временъ года, увеличенія и уменьшенія дней и ночей, равноденствія, затменія солнца и луны. Въ особенности его поражала точность, съ которой уже въ то время умѣли опредѣлять моментъ и степень ожидаемаго затменія свѣтилъ²⁾. Легко понять, какими дѣтскими сказками должны были показаться ему астральные фантазіи манихеевъ, когда онъ сравнилъ ихъ съ точными астрономическими знаніями, только что имъ приобретенными. Представленіе о небѣ какъ особаго рода машинѣ для собранія частицъ свѣта, выдѣляющихся изъ матеріи, о зодіакѣ, какъ водочерпательномъ колесѣ, о солнцѣ и лунѣ, какъ двухъ корабляхъ, совершающихъ свои рейсы по небу и служащихъ обиталищемъ для свѣтлыхъ существъ, о фазахъ луны, какъ постепенномъ наполненіи ея частицами свѣтлаго начала и освобожденіи отъ нихъ, о звѣздахъ, какъ демоническихъ существахъ, прикованныхъ къ небу, о самой тверди, какъ распростертой на подобіе патра кожѣ истребленныхъ архонтовъ, о громѣ, молніи и дождѣ, какъ проявленія половой страсти демоническихъ существъ—все это въ человѣкѣ, познакомившемся съ научнымъ объясненіемъ астрономическихъ явленій, должно было вызвать крайнее недоумѣніе. Таково именно и было впечатлѣніе, произведенное на Августина сравненіемъ міеологическаго элемента системы манихеевъ съ астрономическими теоріями³⁾. Однако, по отношенію къ манихейству Августинъ проявилъ болѣе осторожности, болѣе благожелательнаго вниманія, чѣмъ

¹⁾ Ibid. IV, 4. Рус. п. I, 70—71.

²⁾ Ibid. V, 4. Рус. п. I, 99.

³⁾ Ibid. V, 3. Рус. п. I, 98. Ibid. V, 6. Рус. п. I, 101.

прежде къ ученію Церкви. Видимая баснословность манихейской космогоніи не тотчасъ поколебала его довѣріе къ сектѣ. Наоборотъ, она внушила ему желаніе углубиться въ смыслъ доктрины, которую онъ исповѣдывалъ, и сдѣлать попытку ея примиренія съ научной истиной. Въ то время, несмотря на поразительныя открытія и предсказаніе затменій, астрономія далеко не считалась такой точной наукой, какъ теперь. Ее относили лишь къ области вѣроятнаго, признавая гораздо болѣе точной философію, науку о человѣкѣ, такъ какъ объектъ ея познанія находится гораздо ближе къ познающему субъекту, чѣмъ небо и звѣзды, до такой степени отъ него удаленныя ¹⁾. Августинъ ставилъ вопросъ о согласованіи манихейства съ астрономическими явленіями очень оригинально. Астрономія удовлетворительно объясняла перемѣну дня и ночи, возрастаніе и убываніе дней и ночей, затменія свѣтилъ. Не желая покидать точки зрѣнія объективнаго изслѣдованія и все еще предубѣжденный въ пользу манихейства, Августинъ спрашивалъ себя, нельзя ли объяснить всѣ эти факты обыденнаго опыта съ той же степенью вѣроятности, исходя изъ манихейской системы неба. Если бы этого удалось достигнуть, то получились бы двѣ, правда, совершенно несходныхъ между собою гипотезы, но одинаково хорошо освѣщающихъ дѣйствительность и потому равноправныхъ Ихъ удѣльный вѣсъ съ раціональной точки зрѣнія былъ бы одинаковъ, и тогда всякій былъ бы въ правѣ бросить на одну чашку вѣсовъ въ качествѣ добавочной тяжести религіозныя основанія. И лично для себя Августинъ былъ намѣренъ *caeteris paribus* отдать предпочтеніе манихейской гипотезѣ, воздавая должное авторитету святости лица, провозгласившаго ее ²⁾. Для осуществленія поставленной задачи Августинъ углубился въ изученіе манихейской литературы ³⁾ и, по своему обыкновенію, сдѣлалъ заинтересовавшій его вопросъ предметомъ живѣйшаго обсужденія при встрѣчѣ съ своими друзьями и членами секты. Но ни литература, ни люди не могли дать ему желаемыхъ разъясненій. Манихеи,

¹⁾ См. *E. Brehier*, *Les idées philosophiques et religieuses de Philon d'Alexandrie*. Paris 1908. P. 168—170.

²⁾ *Ibid.* V, 9. Рус. п. I, 104.

³⁾ *Ibid.* V, 13. Рус. п. I, 108.

съ которыми онъ сталкивался, всѣ въ одинъ голосъ указывали ему на свѣтило секты, Фавста, и увѣряли, что послѣдній легко разрѣшитъ всѣ эти недоумѣнія и даже гораздо болѣе сложныя проблемы ¹⁾. Молва приписывала этому человѣку широкое образованіе и богатые свѣдѣнія въ свободныхъ наукахъ, въ число которыхъ входила и астрономія ²⁾. Съ нетерпѣніемъ ждалъ Августинъ пріѣзда прославленной знаменитости, которая должна была разрѣшить всѣ его сомнѣнія ³⁾. Но чѣмъ сильнѣе было ожиданіе и преувеличеніе надежды, тѣмъ полнѣе было разочарованіе и важнѣе послѣдствія его для внутренней жизни вдумчиваго юноши. Когда Фавстъ появился въ Карфагенѣ, то на первыхъ порахъ Августинъ могъ слушать его лишь въ богослужебныхъ собраніяхъ, къ которымъ допускались катехумены, и не имѣлъ случая побесѣдовать съ нимъ наединѣ ⁴⁾. Въ общемъ, первое впечатлѣніе было очень благопріятно. Фавстъ оказался блестящимъ проповѣдникомъ и въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ слова ⁵⁾. Тогда самъ уже профессоръ краснорѣчія, Августинъ болѣе всѣхъ другихъ могъ оцѣнить талантъ проповѣдника и до небесъ превозносилъ его искусство ⁶⁾, но, какъ специалистъ этого дѣла, онъ хорошо понималъ, что нужно строго отличать содержаніе рѣчи отъ ея формы, что истина, какъ и заблужденіе, можетъ облекаться и въ изысканныя выраженія и лепетать дѣтскимъ языкомъ ⁷⁾. Краснорѣчіе Фавста восхищало слухъ молодого ритора, но въ содержаніи его бесѣдъ онъ не встрѣтилъ ни одной новой для себя мысли. Изъ устъ проповѣдника онъ слышалъ всѣ тѣ же миѣны, которыми и безъ того былъ пресыщенъ ⁸⁾. Не принято было возражать или спрашивать разъясненій во время проповѣди. Поэтому Августинъ искалъ личнаго свиданія и интимной бесѣды съ Фавстомъ ⁹⁾. Наконецъ, дав-

¹⁾ Ibid. V, 10. Рус. п. I, 104—105.

²⁾ Ibid. V, 3. Рус. п. I, 98.

³⁾ Ibid. V, 10. Рус. п. I, 105.

⁴⁾ Ibid. V, 11. Рус. п. I, 106.

⁵⁾ Ibid. V, 10. 11. Рус. п. I, 105—107.

⁶⁾ Ibid. V, 11. Рус. п. I, 106.

⁷⁾ Ibid. V, 10. Рус. п. I, 106.

⁸⁾ Ibid. V, 10. Рус. п. I, 105.

⁹⁾ Ibid. V, 11. Рус. п. I, 106.

но желанный момент насталъ. Но Августинъ очень скоро разсмотрѣлъ, насколько преувеличены были слухи о широкомъ образованіи главы секты. Оказалось, что изъ свободныхъ наукъ онъ имѣлъ нѣкоторыя познанія только въ грамматикѣ, но и послѣднія основывались на очень ограниченномъ знакомствѣ съ латинской литературой. Нѣсколько рѣчей Цицерона и очень немного изъ сочиненій Сенеки, кое-что изъ поэтовъ и главнѣйшія произведенія манихейской письменности, да и то лишь существовавшія въ латинскихъ переводахъ, составляли всю его эрудицію ¹⁾. Этого было достаточно, чтобы дать понять Августину, какъ мало могъ онъ ожидать отъ Фавста серьезныхъ отвѣтовъ на тревожные вопросы, возникшіе въ немъ подъ влияніемъ расширившагося образованія ²⁾. А когда онъ перешелъ къ главному и предложилъ своему собесѣднику обсудить, какимъ образомъ астральные миры манихеевъ могутъ объяснять астрономическія явленія, тотъ открыто заявилъ, что не посвященъ въ подобнаго рода науки ³⁾. Это правдивое слово и искреннее признаніе примирило Августина съ Фавстомъ. Онъ близко сошелся съ нимъ, только роли ихъ переимѣнились: вмѣсто учителя Фавстъ сталъ ученикомъ Августина, такъ какъ выразилъ желаніе познакомиться съ свободными науками, которыя послѣдній преподавалъ въ школѣ. Но отношеніе Августина къ манихейству теперь совершенно измѣняется. Онъ прекрасно сознавалъ, что астрономія и религія не одно и то же, что правильное понятіе о свѣтилахъ небесныхъ нисколько не приближаетъ человѣка къ Богу, а ошибочное не удаляетъ отъ Него, что можно быть истиннымъ христіаниномъ, ничего не зная о солнцѣ и лунѣ. Но все это получало совершенно иной видъ, когда разсматривалось въ связи съ манихействомъ. Манесъ отнесъ всѣ эти знанія къ существу религіи, проповѣдалъ ихъ какъ членъ вѣры, и притомъ отъ имени Духа Утѣшителя, обѣщаннаго Христомъ и нашедшаго для себя достойный сосудъ въ лицѣ реформатора персидской религіи. При такихъ обстоятельствахъ доказанная ложность астрономическихъ представленій манихеевъ подрывала вѣру

¹⁾ Ibid. V. 11. Рус. п. I, 106.

²⁾ Ibid. V, 12. Рус. п. I, 107.

³⁾ Ibid. V, 12. Рус. п. I, 108.

въ богооткровенность и достовѣрность ихъ доктрины во всѣхъ прочихъ пунктахъ, менѣе доступныхъ для провѣрки со стороны разума. Первоначальное недовѣріе къ положительной сторонѣ манихейской системы, недоумѣнія, возникшія позднѣе и не получившія разрѣшенія, приняли теперь совершенно определенную форму сомнѣнія въ основательности тѣхъ притязаній на исключительное обладаніе истиной, которыя первоначально такъ подкупали Августина въ пользу манихейства ¹⁾. У него не было еще тѣхъ аргументовъ, которыми совершенно ниспровергается манихейство; но и того, чѣмъ онъ располагалъ, было достаточно, чтобы видѣть, что онъ не на вѣрномъ пути. Тѣмъ не менѣе ему все еще нечего было противопоставить манихейству, и онъ рѣшился ждать, пока не представится чего-нибудь болѣе удовлетворительнаго ²⁾. Но разъ возникшее сомнѣніе продолжало развиваться въ Августина свою разрушительную силу. На это время подаетъ его переселеніе въ Римъ. По пріѣздѣ въ столицу, онъ вращается въ кругу манихеевъ и завязываетъ близкія отношенія не только съ слушателями, но и съ избранными. Въ домѣ одного слушателя онъ нашелъ для себя убѣжище во время постигшей его тяжелой болѣзни и выздоровленія ³⁾. Черезъ манихеевъ онъ хлопоталъ о своемъ назначеніи на должность преподавателя риторики въ Миланъ ⁴⁾.

омъ внѣшнемъ общеніи все болѣе и болѣе сказывается внутреннее расхожденіе между нимъ и манихеями. Онъ сталъ относиться холоднѣе и съ пренебреженіемъ къ тому, что раньше пытался осмыслить и чего позднѣе рѣшилъ держаться за неимѣніемъ лучшаго ⁵⁾. Онъ не только не защищаетъ уже съ прежнимъ жаромъ манихейства, но при случаѣ выступаетъ противъ него критически. Такъ онъ старается убѣдить своего хозяина въ баснословности манихейской космогоніи ⁶⁾.

Ив. Поповъ.

¹⁾ Ibid. V, 13. Рус. п. I, 108—109.

²⁾ Ibid. V, 8. Рус. п. I, 103. Ibid. V, 9. Рус. п. I, 104.

³⁾ Ibid. V, 18. Рус. п. I, 115. Ib. V, 19. Рус. п. I, 116.

⁴⁾ Ibid. V, 23. Рус. п. I, 120—121.

⁵⁾ Ibid. V, 19. Рус. п. I, 116.

⁶⁾ Ibid. V, 19. Рус. пер. I, 116.